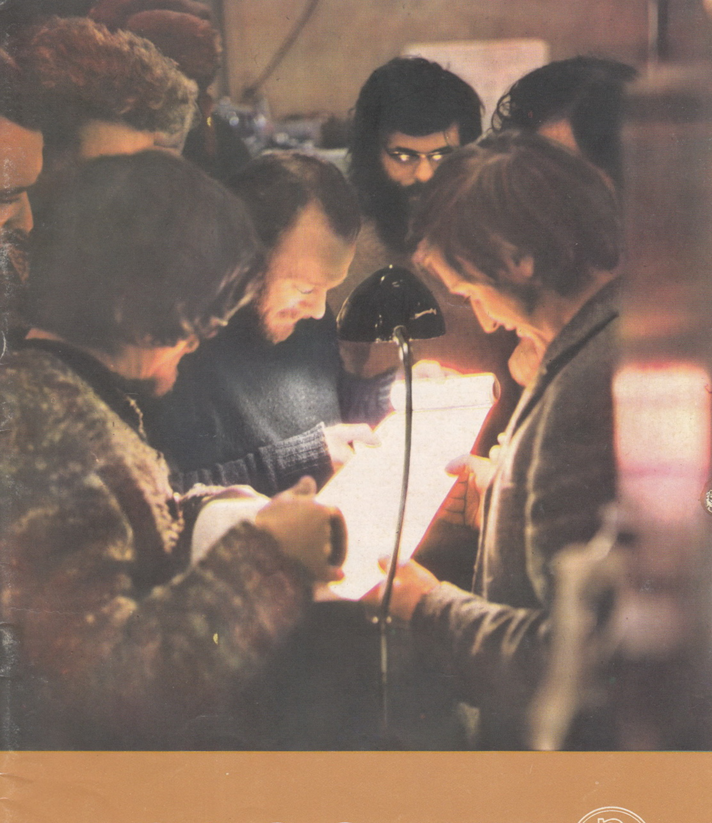

РОВЕСНИК

3
1976

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Март, 1976 год, № 3

На первой странице обложки: советские и французские полярные исследователи, работающие по совместной программе двух стран в обсерватории на арктическом острове Хейса. Только что с запущенной в космос метеорологической ракеты поступила очередная информация.

Работе обсерватории посвящен фоторепортаж Г. КОПОСОВА, который мы публикуем на страницах 16—17.

АНКЕТА «РОВЕСНИКА» «КОГО ВЫ ЗНАЕТЕ В СССР?»
и другие материалы о том, что узнают о нашей стране иностранцы, вступающие в личные или официальные контакты с советскими людьми, о том, что знают и чего не знают за рубежом о СССР.

БУДАПЕШТ. Здесь состоялся пленум ЦК ВКСМ, на котором было принято решение созвать очередной, IX съезд ВКСМ в мае 1976 года. Пленум наметил график подготовки и проведения выборов первичных комсомольских организаций, обсудил предварительные документы предстоящего съезда и программу действий союза молодежи на 1976—1977 годы.

ТОКИО. Инфляция и депрессия, охватившие экономику страны, привели к увеличению армии безработных, которая, по официальной статистике, насчитывает в настоящее время около одного миллиона человек, а по подсчетам профсоюзов — около двух миллионов. Согласно опубликованным данным министерства труда почти 50 процентов будущих выпускников средних школ и колледжей, желающих поступить на службу, не смогут найти себе работу, поскольку японские торговые фирмы и промышленные компании заявили, что они наполовину сократят прием новой рабочей силы. В этих условиях продолжается наступление на профсоюзные права трудящихся. На эту политику частных монополий и государственных компаний рабочие и служащие отвечают новым подъемом стачечной борьбы.

На снимке: телефонистки Токио пикетируют здание министерства, требуя официального признания права государственных служащих на забастовку.

БОНН. В странах «Общего рынка», как сообщает газета «Унзере цайт», каждый третий безработный не достиг 25-летнего возраста. В одной лишь ФРГ безуспешными поисками работы заняты 300 тысяч молодых.

ХАНОЙ. Свыше одного миллиона мин и неразорвавшихся снарядов обезврежено за три последних месяца 1975 года в провинции Куангчи на юге Вьетнама.

РИМ. Столица и другие крупные города Италии, видевшие на своем веку сотни различных демонстраций, были немало поражены видом стройных колонн юношей, облаченных в военную форму, с повязками на лицах и плакатами в руках. На улицы вышли солдаты. Причины, заставившие их покинуть казармы, сходны, как заявляли сами солдаты, с теми, что сводят в ряды демонстрантов и штатских. «Время идет, и наше общество меняется, — говорили солдаты. — Сегодня мы не прежние забитые и неграмотные солдаты. Сегодня не времена Бурбонов, австро-венгерской империи и даже не времена «холодной войны». С требованиями демократизации жизни в казармах смыкается и второе требование молодых итальянцев в солдатской форме: «Италия должна сказать «нет» НАТО!»

На снимке: итальянские солдаты на демонстрации. «Вон НАТО из Италии!», «Пустите демократию в казармы!»

МЮНХЕН. Министерство труда Баварии провело обследование случаев эксплуатации детского труда на частных предприятиях. Обнаруженные злоупотребления стали известны печати. Они касаются нелегальной работы детей в часы школьных занятий и ночью, причем в каждом из приводимых случаев детский труд оплачивался примерно в три раза меньше труда квалифицированного взрослого рабочего.

Так, хозяин мастерской игрушек эксплуатировал около 30 детей от 11 до 15 лет. Другой мелкий предприниматель заставлял своего малолетнего работника приступать к работе в четыре часа утра. Десятерых ребят в школьном возрасте (12—15 лет) ревизоры министерства повстречали в отделе доставки товаров на дом крупнейшего мюнхенского универмага.

БАМАКО. Грандиозная манифестация молодежи состоялась в столице Республики Мали. Десятки тысяч студентов высших учебных заведений, учащихся лицеев, молодых рабочих вышли на улицы города с лозунгами в поддержку Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) и приветствиями в адрес ангольского народа, добившегося независимости в упорной борьбе.

Демонстранты выразили одобрение решению правительства Мали признать Народную Республику Анголу и МПЛА в качестве единственного и полноправного представителя ее народа.

Малийская молодежь решительно осудила империализм, чье вмешательство во внутренние дела независимого государства приводит к затягиванию вооруженной борьбы, наносит ущерб миру на континенте.

СТАМБУЛ. Более тысячи студентов вышли на улицы города по призыву союзов революционной молодежи Турции. Они протестовали против участия страны в Североатлантическом пакте. Демонстранты, среди которых были также представители студенческих организаций других городов, несли плакаты: «Да здравствует независимая, демократическая Турция», «Нет — НАТО».

После демонстрации, которая состоялась, несмотря на проливной дождь, студенты собрались на центральной площади Стамбула — Таксим. Выступившие ораторы осудили участие Турции в военно-политических блоках и потребовали вывести иностранный военный персонал из страны.

БАГДАД. В Ираке ведется большое школьное строительство. Успешно осуществляется программа создания 1300 начальных и 240 неполных и полных средних школ. С ее завершением общее число учебных заведений достигнет 8 тысяч, а количество обучающихся — 2,4 миллиона человек. Государство взяло на себя расходы, связанные с обеспечением школьников и студентов учебниками. Будет бесплатно распределено около 22 миллионов книг и учебных пособий, в том числе 90 тысяч на курдском языке, 400 тысяч географических атласов.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

КУАЛА-ЛУМПУР. Каждый студент, подвергшийся аресту, будет немедленно исключен из вуза без права поступления в любое другое высшее учебное заведение страны. Студенческим организациям и учащимся запрещено заниматься политической деятельностью, а также выступать с критикой любой общественной организации, политической партии или профсоюза. Такую поправку к закону о колледжах принял в ответ на недавние студенческие волнения в стране парламент Малайзии.

БРЮССЕЛЬ. В столице Бельгии состоялся съезд так называемых «новых сил», собравшийся по инициативе бельгийских реакционных и профашистских организаций «Нем-клаб», «Нувель Эроп магазин», «Фронт молодежи».

Обстановка кризиса и безработицы, как отметил в своих заявлениях ряд прогрессивных организаций, способствует активизации крайне правых сил, которые, выдвигая лозунги борьбы с упадком и беспорядком, стремятся сплотить своих сторонников. Представители прогрессивных организаций обратились ко всем демократическим силам страны с призывом выступить против маневров профашистских элементов и добиться запрещения подобных сборищ.

ЛЕЙПЦИГ. Здесь открылась центральная выставка «Мастеров завтрашнего дня», на которой представлено около 1,5 тысячи экспонатов, отражающих успехи творчества молодых новаторов и рационализаторов со всех уголков ГДР. В этом году в движении «Мастеров завтрашнего дня» приняло участие около 2 миллионов юношей и девушек страны. Его главная цель — дальнейшая интенсификация производства, усовершенствование оборудования, разработка прогрессивных технологий и методов труда. В рамках движения молодежь обязалась в текущем году вскрыть материальных резервов на сумму 715 миллионов марок. Характерно, что большая часть предложений была в короткие сроки внедрена в производство.

КОВЕНТРИ. Согласно официальной статистике за минувший год в Великобритании обанкротилось 1837 фирм. Под прикрытием демагогических разговоров о правительственном плане «спасения экономики» крупные увольнения прошли в начале года на дочерних предприятиях американской фирмы «Крайслер».

Н а с н и м к е: рабочие и служащие фирмы «Крайслер» принимают решение о начале забастовки протеста против решения компании о свертывании производства.

смотрите:

ЗНАКОМСТВО С СССР

— Здравствуйте.
— Здравствуйте.
— Я — местный. Из СССР. А вы?
— А я... — И турист сообщает о такой стране и таком городе, что приходится перетряхивать весь школьный географический багаж...

На севере или юге, на западе или востоке нашей страны — везде сегодня встретишь эту «нацию» — иностранных туристов. «В 1975 году у нас побывало около 4 миллионов иностранных граждан», — сообщили нам в «Интуристе». Для чего же люди ездят? Поводы и причины у всех личные, но все они в конечном счете сводятся к тому, как определил туризм Заключительный акт Хельсинкского совещания: «Туризм содействует более полным знаниям о жизни, культуре и истории страны, росту взаимопонимания между народами...» Мы за такие контакты, наши границы открыты для тех, кто хочет нас узнать.

Едут разные люди... Просто охочие до новых впечатлений и те, кто всю жизнь мечтал увидеть, как выглядит настоящая, до этого только по книгам известная Украина, Прибалтика, Средняя Азия, Сибирь — короче, Советская страна, страна социализма...
— Здравствуйте!
— Здравствуйте! Я — местный, из Советского Союза...

Так начинается знакомство с СССР.

Фото И. Гаврилова

ПРИ ВСЕЙ СЛОЖНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ОБСТАНОВКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ ЕЕ ДОМИНИРУЮЩЕЙ ЧЕРТОЙ ВОТ УЖЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ РЯДА ЛЕТ ЯВЛЯЮТСЯ РАЗРЯДКА НАПРЯЖЕННОСТИ, УТВЕРЖДЕНИЕ ПРИНЦИПОВ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ С РАЗЛИЧНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ СТРОЕМ, РАЗВИТИЕ ВЗАИМОВЫГОДНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА.

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на VII съезде ПОРП

АНКЕТА «РОВЕСНИКА»

КОГО ВЫ ЗНАЕТЕ В СССР?

Андре Ремакль, писатель, Франция:

«Что вы хотели увидеть? Что бы вы хотели делать?» — спрашивали нас друзья, когда мы прибыли в Москву.

«Главным образом, — отвечали мы, — обсуждать проблемы культуры».

И мы обсуждали их в течение двух недель. Мужчины и женщины этой страны жаждут узнавать новое, учиться, и тут в их распоряжении поразительное разнообразие средств и возможностей.

Кто-то сказал, что культура нации — это ключ от двери к знакомству с народом. Мне протянули этот ключ, и я открыл двери.

В издательстве «Молодая гвардия» — здесь в 1972 году вышел перевод моей книги «Время жить» — я разговаривал с работниками издательства. Как писателя меня, конечно, интересовали принципы работы с авторами, а также кому адресованы книги издательства. Я спросил: «Как открывают у вас талант, иными словами — как в СССР становятся писателями?» Мне ответили: «Течет река рукописей. Мы удим в ней — иногда попадаются маленькие рыбки, иногда крупные. Чудес не бывает, но если попадается подлинное дарование, мы уже его из виду не упускаем».

С другой стороны (слушайте, французские издатели, чей выбор чаще определяется доходностью, нежели талантом!), издательство «Молодая гвардия» организует встречи и семинары молодых писателей. Один из таких семинаров состоялся в сибирском городе Иркутске. Там много дискутируют. В таких встречах созревает талант молодого писателя. Не каждого из них сразу печатают, но они знают — за ними наблюдают, их ободряют, им помогают.

Примечательная деталь — один из заведующих отделом в издательстве сказал мне: «Мы хотим, чтобы наши книги читал бульдозерист в обеденный перерыв».

Такая формула, пожалуй, может заставить «эстетов» вздрогнуть. И тем не менее... Вот что предлагают этому бульдозеристу: только в одном году в издательстве из книг французских писателей — меня интересовали, конечно, прежде всего они — вышли «Вещи» Жоржа Перека, «Молодожены» Жана-Луи

Кюртиса, «Хозяин дома» Франсуа Нурисье.

Вот маленькие антологии поэтов всех стран мира — первое знакомство с их творчеством. Такая антология стихов Жака Превера, выпущенная тиражом в 50 тысяч экземпляров, исчезла с прилавков книжных магазинов за несколько дней.

Мне показывают новорожденных этой серии — «Антология поэтов АРЕ», «Молодые поэты мира»... «Молодая гвардия» издает в день по книге.

Прекрасное чтение. И не только в обеденный перерыв.

Джанет Хиггинс, научный сотрудник Бирмингемского университета, Англия:

Вообще говоря, Россия меня влечет с малых лет. Великая страна, грандиозная история... Плюс некое НЕЧТО, присущее одной лишь России, ее пейзажу, ее песне, стихам, ее грусти и радости. Оттенки этого НЕЧТО можно встретить и в других странах, найти и у других народов, но они, как бы это выразить, там они возвращают нашу мысль именно к России.

И вот я здесь в командировке. Несколько слов о теме моей работы. Она включает широкий круг вопросов: историю политехнического обучения в СССР, развитие профориентации, трудовое воспитание, роль коллектива в учебном процессе, преподаватели как социальная группа.

Моя страна гордится плеядой великих педагогов, среди них известные вам Джон Локк, Самуэль Уильдерспин, Роберт Оуэн. В то же время мы сравнительно слабо знали и лишь недавно приступили к изучению педагогической школы в СССР, трудов ее известных деятелей — Макаренко, Крупской, Сухомлинского. Мы находимся в начале пути, особенно в изучении таких вопросов, как методы подхода советских преподавателей к ребенку — члену коллектива. Мы признаем, что вашим педагогам 20-х годов принадлежит открытие выдающейся роли коллектива в воспитании детей. Английская школа при всех ее плюсах и минусах на практике все еще игнорирует воспитательную силу коллектива, хотя теоретическая важность этого положения нам теперь очевидна. Когда я встречаю у себя на родине людей, в этом сомневающихся, я каждый раз с удовольствием привожу им пример из практики Макаренко. Помните этот небольшой эпизод: Макаренко, обнаружив пыль в спальном помещении, распоряжается, чтобы староста колонистов вместо заслуженного наказания отсидел без всякого дела в его кабинете, а ребята, товарищи наказанного, приводят помещение в порядок. Изумительное решение конфликтной ситуации!

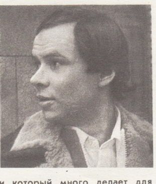

Надеюсь, моя работа будет иметь не одно лишь теоретическое, но и прикладное значение... Вот сейчас, когда я говорю с вами, в памяти проносятся имена и лица моих русских коллег. Я все же не буду выделять кого-либо из них — мне кажется, я этим обидела бы других. Но я хочу всех их горячо поблагодарить за помощь в работе. Спасибо!

Матти Мурто, игрок сборной Финляндии по хоккею с шайбой:

Из вашей сборной знаю всех ребят наперечет, но знакомство у меня с ними прежде всего «коллективное»: на поле ведь играют пятерки. Если же говорить о том, с кем чаще всего в игре приходится сшибаться из-за шайбы, то это центровые игроки. Вот тут-то я и вспоминаю всегда Владимира Петрова. Вспоминаю как хоккеиста, потому что, оказавшись против него, еще подумаешь, сыграть ли «в игрока». И просто как славного парня. У советских хоккеистов мне и моим коллегам более всего нравится их высокое мастерство. Конечно, во время самой игры научиться чему-либо трудно, тут надо выкладываться, но потом, задним числом, понимаешь, как много дают встречи с такими людьми и такими спортсменами. Опыт-то накапливается...

Есть еще один русский человек, которого мы все знаем

и который много делает для финского хоккея. Мы с ним частенько встречаемся во Дворце спорта в Хельсинки. Имя его вам знакомо — Евгений Майоров, в прошлом чемпион мира, ныне тренер, командированный в Финляндию для работы с одной из финских команд. Он всегда приветлив, расположен к людям. А еще он специалист, человек, хорошо знающий свое дело.

Керстин Хомут, ученица 10-го класса, ГДР:

Я приехала в Москву на восемь дней с ребятами и преподавателями нашей музыкальной школы. Вчера мы с нашими московскими друзьями ездили в Клин, в музей П. И. Чайковского. В автобусе я познакомилась с одной хорошей девочкой, ее зовут Карамушко Ира. А сегодня Ира с нами весь день была: и в Кремле, и в Третьяковке, и так, по городу. Она тоже поет, как я, только голос у нее повыше. Наши друзья уже дали нам один концерт, причем концерт юбилейный — их школе исполнилось ровно сорок лет. Ох как поют!.. Вот и нам оплошать нельзя. Мы вчера весь вечер прорепетировали, даже в цирк не сходили... А знаете, Ира списала мне слова песни «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», раньше я знала ее только по-немецки... Что буду петь, кроме «Сарафана»? Как же, целых четыре вокальные пьесы: Баха, Гайдна, Брамса, Шуберта.

Но только не подумайте, что наша дружба сложилась сегодня или вчера. Это я Иру вчера встретила, а вообще это долгая история. Мы уже года три переписываемся с вашей советской седьмой школой, обмениваемся нотами и новостями, в общем, дружим.

Франц Клингльмюллер, представитель фирмы готовой одежды, Австрия:

Я в СССР впервые, приехал показать вам ткани и модели нашей фирмы, и, конечно, посмотреть ваши модели — торговля есть торговля. По тому, что я видел у вас, могу сказать — ваши модельеры ориентируются прежде всего на практичность, это мне нравится, это соответствует и нашим устремлениям. Многие ваши модели вполне могут быть внедрены и в наше производство. А еще мне понравилось, что вы так широко используете национальные мотивы в одежде, — я знаю работы Вя-

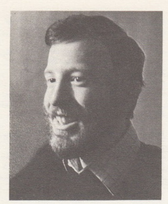
числава Зайцева, модели этого художника пользуются большой популярностью на Западе. Но в этом направлении работают и многие другие ваши модельеры, и та бережность, с которой вы относитесь к своим народным элементам, мне очень импонирует. Мода, хотя она и универсальна, не должна быть одноликой, и ваши модельеры прекрасно это понимают. Они понимают, что платье из Москвы, сохраняя все приметы сегодняшней моды, должно отличаться от платья, сшитого, скажем, в Вене, иначе работа модельера просто бессмысленна. И какую же женственность и элегантность придают вашим платьям вологодские кружева или вышивки, какой разнообразный, богатый выбор дарят они женщине, решившей не расставаться с молодостью.

Кстати, о молодости. Сейчас у нас идет возрождение интереса к фольклорным элементам в одежде — особенно в молодежной моде. Видимо, здесь сказывается некий протест западной молодежи против всего «институциализированного» — и против официальной моды тоже. Поэтому я думаю, что фольклорные мотивы, которые я почерпнул в Москве, смогу использовать и при создании молодежных моделей в нашей фирме.

И еще. Меня изумили ваши манекенщицы. Прекрасные девушки, живые, естественные и — как это необходимо для настоящих манекенщиц! — обладающие каждая своим индивидуальным стилем. Честное слово, наши платья шли им гораздо больше, чем австрийским манекенщицам! Дело в том, что наши девушки приучены показывать не платье, а идею платья, образ, часто отстраненный от их личности. А ваши просто срастались с вещью! На ваших девушках наши костюмы буквально оживали. В заключение могу сказать: съездили мы удачно, я и мои коллеги из других австрийских фирм продали уже несколько моделей и четверть миллиона метров ткани. Жаль, не успели побывать в Средней Азии — нашу фирму очень интересуют среднеазиатские шелка. Но это в следующий раз!

Карло Леви-Минци, пианист, Италия:

Окончил Миланскую консерваторию, играл в ансамбле современной музыки произведения Прокофьева, Шостаковича, Джона Кейджа, Шёнберга, Штокхаузена. А потом открыл для себя Скрябина — в Италии этот великий композитор, к сожалению, почти неизвестен. Мой друг, журналист, он погиб в автомобильной катастрофе, подарил мне несколько пластинок Скрябина. Я слушал эту музыку и понял — мир современной музыки немыслим без Скрябина. Я подготовил его первую сонату и сыграл на выпускном экзамене — для итальянцев это было открытие! А потом в Сиену приехал Станислав Генрихович Нейгауз, он вел семинар по Шопену и Скрябину, и я стал заниматься у него. Тогда и решил приехать на стажировку в Московскую консерваторию, чтобы лучше узнать и Скрябина, и вообще русских композиторов. Была у меня и чисто профессиональная, исполнительская цель — ваша консерватория считается лучшей в мире, я хотел позаниматься у ваших педагогов и сейчас могу сказать, что не ошибся в выборе — техника моя возросла вдвое. (Я занимаюсь в классе Владимира Александровича Натансона.)

Я дал уже два концерта и теперь знаю — у вас не только лучшие в мире педагоги, у вас замечательная публика. Понимаете, в Италии публика привыкла оценивать музыканта по тому, что пишут о чем и его репертуаре критики. И если в газете напишут, что Штокхаузен лучший в мире композитор, они аплодировать будут не музыке, а словам газеты. А ваши слушатели потрясающе музыкально образованны, у вас воспитание публики начинается прямо с колыбели — одни детские утренники Кабалевского чего стоят! У нас этого нет — музыкальное образование как таковое мало кого волнует. Был у меня случай — играю в Белом зале консерватории того же Штокхаузена, а часть публики, чувствую, не принимает. Но не принимает не потому, что не знает нового для нее композитора, — просто именно эта часть публики пришла слушать Бетховена, его я играл во втором отделении, а Штокхаузен этим слушателям чужд. Хотя мое первое отделение не доставило мне личной радости как исполнителю, я порадовался принципиальности вашей публики...

А какие у вас пианисты! Знаете, в исполнительском мастерстве есть сейчас две тенденции: старая — слушать не музыку, а себя, и новая — слушать музыку. И вот Святослав Рихтер — это пианист «нумеро уно» в мире, современнейший музыкант. Я знаю, что никогда не стану таким, как Рихтер, но я хочу хоть немного приблизиться к нему, хотя бы через учебу в Московской консерватории. И еще я хочу привезти в Италию Скрябина.

Ярмила Галамкова, художник, ЧССР:

Знаю, конечно же, многих коллег по профессии — книжных графиков, живописцев — в Москве, Ленинграде, Закавказье. Но прежде всего хочу вспомнить Леонида Енгибарова, Леню. По времени это был первый человек из Союза, с которым я подружилась. Году в 61-м, если не ошибаюсь, у нас в Праге, возле стадиона «Спарта», выступал ваш цирк. Я зашла туда случайно, потому что до того цирк не любила, и теперь ясно почему — не знала... И вот я пришла в цирк и увидела Енгибарова. Он показывал такое мастерство, такой класс, что я была захвачена. Захвачена настолько, что начала работать в цирке сама! Целый сезон проработала с лошадьми. С Енгибаровым мы стали сердечными друзьями. Он много раз приезжал в Прагу, и я ходила на каждое его выступление. Под конец Леня прозвал меня: «Мой самый прилежный зритель» — и уже просил: «Ну посиди сегодня за кулисами, не ходи в зал, ты уже все это видела, мне и так приходится импровизировать, чтобы тебе не было скучно».

Я оформляю книги для детей, много работаю в книжной графике. Дружу с московскими редакциями «Пионерской правды» и «Мурзилки». Из встреч последнего времени большое впечатление оставила поездка с выставкой в Армению. Мы были в мастерских у многих замечательных людей — Акопа Акопяна, Арташеса Худаяна, Минаса Аветисяна. Это люди не только самобытного таланта, но и просто сердечные люди, с которыми чувствуешь себя так, будто знаешь их давным-давно, чуть ли не всю жизнь.

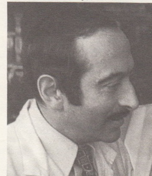

Потом была ответная выставка армянских мастеров у нас, и я с удовольствием принимала их в Праге. Очень интересно было смотреть на их эскизы и рисунки, сделанные в Праге. Рубен Адамян, работающий в русле сарьяновской традиции, увидел мой родной город необычно, по-своему.

Надеюсь приехать еще не раз в Москву, Ленинград, в Ереван — поработать, повидать друзей, поговорить «о жизни и об искусстве»...

Ролан Пуан, техник-наладчик фирмы «Рено», Франция:

Вон тот молодой парень... Видите? Это Сергей Кошелев — наладчик. Мы с ним теперь настоящие приятели. На него, знаете, приятно смотреть: всегда веселый, жизнерадостный и хватает все прямо на лету. Знаете, бывает, иному говоришь, втолковываешь, а он будто тебя и не слышит, будто все знает. А Сергею я так доверяю, что несколько раз даже просил его подменить нашего французского техника-наладчика. Наше оборудование еще не было принято, а он уже прекрасно до всего доходил. В общем, с вашими ребятами приятно работать, и если один рабочий так говорит о другом, то можете представить, что это значит.

Вон, кстати, другой — Валерий Катамадзе. Признаюсь, я его не сразу, что называется, раскусил, а потом вижу: щедрый человек — то есть поможет любому, если в этом есть необходимость. Как-то остановилось дело — все зависело от поставок другого завода, и Валерий сам вызвался все сделать. Говорит, что работу, которую «Рено» исполняет по контракту в СССР, он считает своей работой. Поехал договорился, все привез, сам же распаковал — и тут же в дело. С таким приятно быть рядом.

Совсем недавно, когда я приехал на завод АЗЛК в Москву, то не имел даже представления, с кем придется работать и как пойдет дело. А предстояло за четыре месяца переделать и модифицировать несколько линий в цехе сварки кузовов. Наших же, с «Рено», приехало маловато. К тому же все нужно было проделать, не останавливая производства. Мы к такому, честно говоря, не привыкли, у нас новая модификация внедряется, когда завод закрыт — то есть в один из летних месяцев. Да и в такие, как у вас говорят, сжатые сроки у нас подобная работа не делается. Теперь представляете, как нам приятно, что работу сделали и сделали хорошо. Да еще и приятелей приобрели.

«МЕМУАРЫ РУССКОГО РАБОЧЕГО»

Арвид РУНДБЕРГ,
шведский писатель — для «Ровесника»

Не так давно в Стокгольме состоялась необычная пресс-конференция. Вот как описывала ее социал-демократическая газета «Афтонбладет»:

«Так бывает, когда пресс-конференция созывается ради какой-нибудь знаменитости, — журналисты, ослепительный свет телесъемочных ламп, микрофоны, бокалы с апельсиновым соком... А виновником торжества оказался простой рабочий с текстильной фабрики, одетый в свой выходной темный костюм, белоснежную сорочку и при галстуке.

Он отвечал на вопросы о книге, в которой он рассказывает о своей фабрике, своей партии, своем профсоюзе и просто житье-бытье. Ну, скажем, о том, как он любит в летнюю пору лежать в траве и смотреть на копошение божьих коровок.

И вот этот рабочий проводил первую в своей жизни пресс-конференцию. И не где-нибудь, а в издательстве «Норстедтс», где стены чопорных коридоров увешаны обложками книг, и что ни автор, то титулованная особа, вроде лорда Рандольфа Черчилля. А в оконной нише возвышался бюст какого-то древнего поэта, и этот бронзовый бард взирал, оскорбленно поджав губы, на рабочего, да не просто рабочего, а русского и коммуниста.

Его зовут Владимир Арбатский. Он рассказал о своей жизни Арвиду Рундбергу, автору привлекшей внимание читателей книги «Мемуары шведского рабочего». Вышедшие теперь «Мемуары русского рабочего» еще более важны. Рундберг прав: ведь пол-Европы живет в коммунистическом мире. Эта книга — голос одного из миллионов людей, живущих на той половине».

Преуспевающие знаменитости, обласканные симпатиями буржуазного общества, любят рекламировать себя и, беря за основу свои личные судьбы, пускаться в философские и политические рассуждения, давать оценки современному состоянию общества. Другое дело — этот случай: в роли автора, раскрывающего связи между своей личной судьбой и развитием общества, мы видим рабочего. К этому мы еще не привыкли.

Жизнь большинства людей определяется их отношением к материальному производству. Но авторы книг на общественно-исторические темы у нас почти никогда не берут это обстоятельство за исходный пункт своих рассуждений. Люди, производящие материальные ценности, нечасто становятся у нас объектом внимания. Те, кто владеет и распоряжается средствами производства, не заинтересованы в том, чтобы их право владеть и распоряжаться ставилось под вопрос.

Я родился в 1932 году и рос в эпоху Гитлера и Черчилля, Сталина и Рузвельта. В школу я пошел, когда разразилась вторая мировая война, а кончал школу, когда мир, включая и Стокгольм, покрылся инеем «холодной войны». Само собой разумелось, что коммунизм — это олицетворение зла в нашем мире. Это была аксиома, которая настойчиво повторялась не только в родительском доме, но и в школе, и в газетах, и по радио, в кинофильмах, которые я смотрел, и в книгах, которые я читал.

или рассказ о том, как и почему в Швеции была написана такая книга.

Многие журналисты и писатели моего поколения начали в политическом плане ставить под вопрос буржуазный взгляд на историю в 60-х годах. У меня этот поворот случился несколько раньше под влиянием матросов и рабочих, с которыми меня свела судьба, когда 16-летним юношей я бросил Швецию и подался в плавания.

То, что я увидел и пережил в Латинской и Северной Америке, возмутило меня против несправедливостей и жестокостей настолько, что я всерьез занялся изучением теории социализма. Много лет я искал способа правильно отразить картину времени, в котором живу. Когда в 1970 году я встретил Густава Эриксона и написал «Мемуары шведского рабочего» (в русском переводе эта книга появится в ближайшее время, издательство «Прогресс»), я понял, что нашел нужную, действенную литературную форму. Я решил, воспользовавшись ею, создать также портреты русского, английского и немецкого рабочих. Вкратце мой метод таков: записываю на магнитофонную ленту рассказы рабочих о своей жизни и затем использую собранный материал сравнительно свободно. Результат я назвал бы документальным романом.

В 1973 году я побывал на «Трехгорной мануфактуре», в Москве на Пресне. Это текстильный комбинат с тысячами рабочих. Один из них — Владимир Алексеевич Арбатский, работающий на этом предприятии с 1932 года. Он приземист, руки в рабочих мозолях, глаза выдают в нем дружелюбного, уравновешенного человека. Арбатскому оказалось интересно со мной

как с писателем: он, как и очень многие советские рабочие, удивительно широко начитан и проявляет, по нашим меркам, чрезвычайный интерес к литературной жизни. Я раскрыл ему кое-что из своих планов, и Арбатский с особенным энтузиазмом отнесся к идее дать рабочим возможность внести и свой вклад в историографию. Но когда я спросил, не согласится ли он сам выступить в этом качестве, Арбатский стал отказываться: мол, в его жизни не было ничего выдающегося, то ли дело другие. «У нас, — убеждал он меня, — столько героев и труда, и войны, и вообще столько людей, которым действительно есть о чем рассказать. Например, тысячи русских во время войны воевали в европейском Сопротивлении. Бежали из тюрем и концлагерей, партизанили во Франции, Польше, Греции, Норвегии. Они видели Европу и наверняка могут больше, чем я, рассказать шведскому читателю».

Он тепло и убедительно говорил о рабочих с яркими биографиями. Но я понял: человек, который мне нужен, — сам Арбатский. И в следующий мой приезд в Москву, в 1974 году, мне удалось — с помощью корреспондента АПН Игоря Павлова — уговорить Арбатского. Той же осенью мы и засели за работу. Она продолжалась и зимой 1975 года.

Не знаю, можно ли найти «типичного» советского рабочего. Знаю только, как жил и живет Арбатский, и знаю, что через похожий жизненный опыт прошли многие.

В пятнадцать лет он покинул родную деревню и стал работать в большом городе. Он приобрел квалификацию, потом был призван в армию, потом воевал, во время войны вступил в партию, после победы вернулся на фабрику. Партия, профсоюз, социалистическое соревнование, акции солидарности, учеба — под влиянием этих факторов и формировалась его личность.

Я четыре-пять раз побывал в СССР. В целом я, наверное, знал о Советском Союзе больше, чем «средний швед», который вынужден довольствоваться тем, что дает ему буржуазная пресса. Но, придя с диктофоном к Арбатскому, понял, что не знаю о повседневной жизни советских людей почти ничего.

Я решил, что пусть он рассказывает так, как ему удобно. Мне надо было получить правдивую историю его жизни и жизни его общества. И я сразу почувствовал, как мало разбираюсь в психологии рабочего класса, хотя до этого момента считал, что у меня за плечами есть кое-какой трудовой опыт. Когда-то я пять лет бродяжничал по свету — еще в детстве решил непременно стать писателем, «таким, как Джек Лондон». Подавался я и в матросы не затем, чтобы прокормиться, а чтобы продолжить путешествие к заветной мечте детства. Был я и мойщиком посуды в гостинице в США, и шофером грузовика, и сельскохозяйственным рабочим, и рабочим заводским. Но на одном месте задерживался не долее нескольких месяцев и был всегда, по сути, туристом, искавшим смены впечатлений. Я знал, что в любой момент могу бросить все и уехать на родину, к обеспеченной и спокойной жизни под родительским кровом. Я ездил по Северной и Южной Америке в рабочей робе, но мой багаж состоял из литературы и музыки, грез и надежд. Я узнал, что такое работать на поле. Но я оставался всего-навсего туристом.

Воспоминания же Арбатского — это рассказ настоящего, кадрового рабочего, его собственная биография и советская история, написанные, можно сказать, прямо в цехе. Он еще мальчиком хотел на завод и к цели шел упорно — получил квалификацию, закончил школу, включился в профсоюзную и политическую работу. Демобилизовавшись после войны, он вернулся на комбинат, где и сейчас работает помощником мастера ткацкого производства. Он рабочий по убеждению и гордится своей профессией. Ему больше по душе рабочая блуза, а не костюм. Его жена Александра тоже рабочая с начала 30-х годов и тоже на «Трехгорной мануфактуре». Один из их сыновей пошел по стопам родителей, трудится на «Трехгорке», другой — инженер. Это семья, которая хорошо знает, что такое борьба за социализм, за жизнь, за коммунизм. Знает об этом не по красивым словам, а по своему рабочему опыту.

В начале наших бесед мне часто приходила в голову мысль: «Лучше, если бы на моем месте был тоже рабочий. Надо было привезти сюда шведского рабочего, а я бы только записывал их беседу». Но мои опасения вскоре рассеялись: Арбатский толково и подробно описывал жизнь. И многое в жизни рабочего вдруг стало мне понятнее благодаря его рассказу, в котором личные судьбы развивались на фоне общественных и политических событий.

Арбатский — ровесник революции. Из его рассказов оживало передо мной прошлое: «Тридцать второй, тридцать третий годы... Я тогда совсем мальчишкой был, лет пятнадцати-шестнадцати. Помню шумные улицы, новые и старые, прокопченные дымом. Радостный энтузиазм людей. Днем Москву заволакивало дымом от фабрик и заводов. А вечерами небо светилось заревом, и чудилось, что на улицы и площади вышли тысячи, десятки тысяч кузнецов и куют будущее».

Слушать, как Арбатский рассказывает о жизни своей фабрики и Красной Пресни, было одно удовольствие — так живы и красочны его воспоминания. Деревенский юноша сразу влюбился в большой город с его кинематографическими залами и театрами, бешеным ритмом и пестротой человеческих судеб, с его сплавом старого и нового, возникшим за несколько напряженных лет, когда время летело как сумасшедшее, а двери распахивались навстречу будущему. Наивный и «неотесанный», ходил он, разинув рот, по московским улицам. На его глазах рушилась, проваливалась в невозвратимое прошлое Москва старая, распрямлялись и раздавались вширь улицы, будущее готовило место для света и воздуха, разума и знания.

«Царило настроение какой-то всеобщей мобилизации, мобилизации радостной, оптимистической, — вспоминает Арбатский. — Люди голыми руками переворачивали землю и горы. Это было время геройства и время спартанства. Свои калории мы получали, но особо роскошным наше меню назвать было нельзя. Зато какой была приправа! Эта приправа — поток культуры, мы просто купались в этом потоке. Надо было электрифицировать всю страну, а без повышения культуры этого было не добиться.

Из подмосковных деревень вливался в столицу нескончаемый поток: по улицам ползли длинные колонны повозок или — зимой — саней, нагруженных морковью и свеклой, зерном, сеном. Повозки увиты красными лентами в знак того, что они прибыли из какого-нибудь колхоза, снабжающего Москву продовольствием. Улицы были разворочены — перестройка, расширение, асфальтирование... Москва росла как на дрожжах. В течение двух веков, пока столицей был Петербург, Москвой по-настоящему не занимались. Теперь же ее надо было превратить в современный город, в столицу социалистического мира».

Воспоминания моего соотечественника — Густава Эриксона о тех же годах резко отличаются: массовая безработица, очереди у благотворительных кухонь, унижение целого народа, подъем фашизма, идеологическая капитуляция социал-демократии, обострение классовых противоречий — над Европой сгущались тучи.

В 1938 году Арбатский был призван во флот. Демобилизовался он лишь восемь лет спустя — помешала война.

Эриксон был одним из 500 шведских рабочих, записавшихся в 1938 году в тельмановский батальон. Он уже воевал в Испании, когда Арбатского призвали во флот.

До лета 1942 года Арбатский служил на Дальнем Востоке на торпедных катерах. Потом его перевели на Волгу, а в 1943—1944 годах он воевал на Онеге. К тому времени торпедные катера были переделаны в ракетные — на них установили «катюши». С осени 1944-го по весну 1945-го Арбатский сражался на Балтике.

«Не знаю, можно ли мою биографию назвать типичной, — сказал он мне. — Миллионы рабочих моего поколения постигла одна судьба — они сложили головы на войне».

Константин Симонов писал: «...как бы ни были высоки наши побуждения, война все равно оставалась для нас человеческой трагедией от своего первого и до своего последнего дня, и в дни поражений, и в дни побед. Она все равно оставалась противоестественным состоянием для каждого человека, не потерявшего людской облик. И если забыть об этом, то правды о войне на напишешь».

Я знаю, что Симонова любят в Советском Союзе, что он выражает настроение и чувства тех, кто пережил войну. На вышеприведенные строчки я наткнулся, когда моя книга уже была готова к сдаче в набор. И я подумал, как хорошо они подходят к Арбатскому: солдатами не рождаются. Я поставил симоновские слова эпиграфом ко второй части «Мемуаров русского рабочего», посвященной военному периоду.

Арбатский рассказывал мне: «Когда мы в ожидании ввода в бой отрабатывали обращение с «катюшей», я не задумывался о смерти. Никто о ней не думал. Или виду не показывал. Лишь только мыслишка о смерти выскакивала, ее гнали прочь и никогда не высказывали вслух. Тут, кстати, приложили руку писатели. Они почувствовали и выразили ту страсть к жизни, которая таилась в каждом из нас».

Эриксон, как и многие другие шведские коммунисты, был арестован, когда нацисты напали на Советский Союз. Впоследствии его отпустили. Он вспоминает, что его собственное положение на заводе прямо зависело от успехов Красной Армии. Левых рабочих преследовали и травили вплоть до того момента, когда фашисты были разгромлены под Сталинградом. Но после этой битвы буржуазная Швеция (сохранявшая во время войны нейтралитет. — **Ред.**) принялась «грести» к определенному берегу. Нажим на рабочих слабел с каждой победой Красной Армии. Густав и его товарищи по войне в Испании понимали, что речь идет о жизни или смерти всей Европы, что советские люди не колеблясь жертвуют своими жизнями и ради них.

на стр. 11 ▶

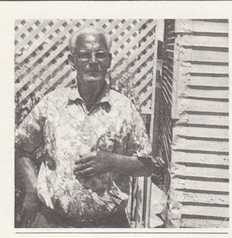
ВЗГЛЯД С ПЯТОГО КОНТИНЕНТА

Владимир БОЛЬШАКОВ,
соб. корр. «Правды» в Австралии —
для «Ровесника»

Перед Октябрьскими праздниками на вечере в Центральном клубе профсоюзов, что неподалеку от сиднейского Сити, выступал национальный секретарь австралийского профсоюза железнодорожников Р. Тейлор.

— В 1920 году, — сказал он, — первый секретарь нашего профсоюза побывал в Москве и был за это уволен с работы, как только вернулся в Австралию. Теперь такого произойти просто не может. Мы поддерживаем постоянные и плодотворные связи с советскими профсоюзами, и это еще одно доказательство того, что рабочий класс Австралии выступает за дружбу и сотрудничество с СССР. Мы гордимся этими связями и считаем, что их рост происходит благодаря успехам политики разрядки, последовательно проводимой Советским Союзом и поддерживаемой всем прогрессивным человечеством.

Я сидел в зале, слушал Тейлора и думал о том, что время идет и знания здешних жителей о моей стране хоть и не быстро, но расширяются, и все больше встречаешь здесь людей, способных ответить на такие простые с виду вопросы: что вы знаете об СССР и кого вы в СССР знаете? Я хотел бы в этой связи рассказать о нескольких моих встречах с австралийцами и об их встречах с нашей страной.

или рассказ о встречах с австралийцами, для которых наша страна — близкая страна.

Том Пейн говорит о Ленине

Наверное, не всем известно, что здесь, в Австралии, незадолго до Октябрьской революции плечом к плечу с австралийским пролетариатом боролись русские рабочие-эмигранты. Одним из них был легендарный Артем — Сергеев, который приехал в Австралию в 1911 году, сбежав из сибирской ссылки. В Брисбене, столице штата Куинсленд, до сих пор живы люди, которые помнят Артема и как лидера Лиги русских эмигрантов и Ассоциации русских рабочих, и как од-

ного из организаторов знаменитой забастовки докеров в Куинсленде в 1912 году.

За событиями на пятом континенте, ростом рабочего движения внимательно следил В. И. Ленин. В Австралии, в маленьком городке Клунс, штат Виктория, живет человек, видевший В. И. Ленина и говоривший с ним. Зовут этого человека Том Пейн, и его вы можете увидеть на снимке в начале очерка.

Я ехал к Пейну из Мельбурна, даже не зная его адреса. Положился на заверения друзей, направивших меня к нему: друзья утверждали, что в Клунсе Тома Пейна знает каждый. Дорога шла через поля пшеницы и ячменя, перемежавшиеся лугами, поросшими клевером и люцерной. В Австралии декабрь — время сенокоса, и то там, то здесь по лугам ползали крохотные тракторы с копноукладчиками. Копны получались маленькие, как брикеты, будто игрушечные. Когда они высушиваются на солнце, фермеры складывают их в кузова «пикапчиков» и увозят в хранилища. За одним таким «пикапом» я и поехал — шофер сказал, что ему как раз по пути в Клунс — его ферма всего милях в трех от этого городка.

Клунс, разморенный жарой, будто вымер. На улице ни души. Только у продуктовой лавочки прямо на земле сидел улыбающийся карапуз и пригоршнями швырял на дорогу красноватый песок. Мать его болтала с продавщицей, явно обсуждала в деталях местные новости. Мой вопрос — где можно найти мистера Томаса Пейна — они поняли не сразу. Потом заговорили обе: «Ах, вам нужен Том! Так он живет через два дома отсюда. Поверните налево, сразу найдете, — и добавили с ехидством: — Мистер...»

В Австралии не принято это обращение. Даже в сугубо официальной обстановке его избегают и называют друг друга по имени. Я, конечно, знал об этом, да как-то запамятовал и произнес этого «мистера» механически, думая о своем. Точнее, о том, что через считанные минуты мне предстоит встретиться с человеком, ставшим легендой в рабочем движении Австралии.

В 1916 году 18-летний Пейн впервые выступил на митинге — против закона о воинской повинности и участия Австралии в первой мировой войне. В 1970 году, когда ему было уже за семьдесят, он вспоминал об этом, выступая на митинге протеста против войны во Вьетнаме: «Народ Австралии, — говорил он, — в 1916 году провалил референдум о воинской повинности, отказал правительству в праве посылать австралийцев на войну за чуждые им интересы. Почему же сейчас мы позволяем правительству это делать? Почему наших сыновей посылают убивать никогда не угрожавших нам вьетнамцев в угоду империализму США?!»

Между этими двумя речами — большая напряженная жизнь. Стотысячная забастовка рабочих штата Новый Южный Уэльс в 1917 году, организация комитета «Руки прочь от Советской России», поездка в Москву на IV конгресс III Интернационала, встреча с Лениным, оставшаяся ярким воспоминанием на всю жизнь, беспокойная судьба пропагандиста и агитатора коммунистической партии...

Том окапывал в саду яблони. Он обернулся и посмотрел на меня настороженно — белый как лунь, глаза поблескивали из-под очков на дочерна загорелом лице. Настороженность перед незнакомцем как рукой сняло, едва он узнал, что я корреспондент «Правды».

В его домике на столе лежат грудой свежие газеты и наши журналы — «Советский Союз» и «Советская женщина». На камине — портреты Маркса, Энгельса, Ленина.

— Когда ко мне приходят люди и спрашивают, чьи это портреты, — не удивляйтесь, что спрашивают, ведь это Клунс, — я отвечаю им: это три величайших композитора, авторы гениальной оратории под названием «Будущее человечества». Тем, кто потолковее, я рассказываю, конечно, побольше.

— А в Клунсе знают, что вы были в России и видели Ленина?

— Что был в России — знают. Я дважды был у вас — в двадцать втором и шестьдесят девятом. И вот сейчас я думаю, что даже для того, чтобы получить возможность своими глазами сравнить то, что было, и то, что есть сейчас в СССР, стоило прожить жизнь. Тогда, в двадцать втором, я видел голодную, нищую, полуразрушенную страну, и то, что говорил о ее будущем Ленин, казалось недостижимой мечтой. А через 46 лет я увидел воплощение этой мечты. Для меня, как коммуниста, это счастье. Жаль, в 1922 году я был еще слишком молод, чтобы понять и оценить все, что говорилось на конгрессе, так, как мог бы понять сейчас, после долгих лет борьбы и учебы. Ведь тогда я был всего лишь молодой бунтарь, самоучка, никакой теоретической подготовки не было. Ленин разговаривал с нашей делегацией во время одного из перерывов в заседаниях. Говорил он главным образом с Джоном Гарденом, главой нашей делегации и лидером Компартии Австралии, расспрашивал о том, как работает партия в профсоюзах, в армии, на транспорте. Попутно задавал вопросы об экономике и внутренней политике Австралии, на которые даже Гарден не всегда мог точно ответить. Много позже я понял, что Ленин, беседуя с Гарденом, старался определить, какова же реальная сила нашей партии, каковы ее возможности. Мозг Ленина, как уникальный политический барометр, мог на гигантском расстоянии определять силу предстоящих классовых бурь. Точный барометр...

Том помолчал, будто заново переживая ту давнюю встречу, потом сказал:

— С тех пор как я побывал в Москве первый раз, Советский Союз стал для меня маяком в жизни, а марксизм-ленинизм — компасом. Ни один моряк никогда не будет ориентироваться в море по наитию — посмотрит на компас, чтобы определить курс и сориентировать свой корабль по самому яркому и мощному маяку. Так и в революционном движении. Нельзя быть подлинным коммунистом без того, чтобы не быть другом СССР и КПСС, без того, чтобы не быть верным умом и сердцем марксизму. Нельзя называть себя марксистом и коммунистом и в то же время выступать против Советского Союза и КПСС, как это, к примеру, делают пекинские лидеры и их подголоски в Австралии.

Австралийцы называют их «ново»

На причалах сиднейской пристани Вуламалу толпы людей. Как всегда, по традиции, провожая пароход в дальний рейс, с причала бросают на борт длинные разноцветные ленты серпантина — символ связи тех, кто уходит в море, с теми, кто остается на берегу. Вот и сейчас та же привычная сцена. Необычно для Сиднея лишь то, что сегодня от берега отчаливает советский теплоход «Леонид Собинов». Теплоход под красным флагом. Для многих австралийцев это еще в новинку. Каких-нибудь год-два назад советские пассажирские лайнеры заходили в порты Австралии крайне редко. Теперь сотни австралийских туристов отправляются в круизы по островам Тихого океана на судах советско-английской компании «Си-Ти-Си»: «Леонид Собинов», «Федор Шаляпин», «Шота Руставели», «Тарас Шевченко».

«Успех пароходства «Си-Ти-Си», популярность его советских лайнеров не были достигнуты по принципу «пришел, увидел, победил», — писала недавно сиднейская газета «Дейли телеграф». — Однако, несмотря на сопротивление местного «пароходного истэблишмента», долгое время не допускавшего «Си-Ти-Си» в свой избранный круг, компании удалось добиться успеха, что объясняется ее целеустремленностью и поддержкой австралийской общественности».

Мне не раз приходилось бывать на этих пароходах и говорить с австралийскими туристами. Как правило, побывав на борту советского лайнера однажды, они рекламируют его всем своим знакомым и родственникам как «лучшее место отдыха во всем Тихом океане». Опрос одной из газет показал, что 68 процентов пассажиров, покупающих билеты на советские суда в Австралии, не впервые становятся клиентами «Си-Ти-Си». В пароходство приходит масса писем от пассажиров с выражением благодарности за «замечательное русское гостеприимство». И это только начало. Спрос на советские круизы растет. Теперь билеты надо заказывать задолго до ухода нашего корабля в рейс.

Частыми гостями здешних портов стали и наши грузовые суда. Австралийцы называют их коротким словом «ново» — это потому, что большинство судов, которые приходят сюда из Владивостока и Балтийского пароходства, носят названия наших городов: Новоалтайск, Новокуйбышевск, Новосибирск...

Есть в этом своя символика — я имею в виду то новое, что появилось в советско-австралийских отношениях последнего времени: поступательное развитие взаимовыгодной торговли между нашими странами, оборот которой уже превысил 170 миллионов долларов.

Не так давно газета «Острэлиан» опубликовала рекламное приложение, посвященное советско-австралийской торговле. На его страницах были не только данные о наших товарах и советской экономике. Десятки крупнейших фирм Австралии поместили объявления и статьи, призывающие к торговле с СССР. «Наша фирма гордится связью с СССР» — так называлась статья директора компании «Хейне бразерс» М. Кеннеди, в которой рассказывалось о работе отделения фирмы в Москве. Представители других

фирм Австралии рекламировали советские товары, которые они продают на австралийском рынке, — наши часы, радиоприемники, фотоаппараты «Зенит», советские металлорежущие станки, бинокли, мотоциклы, хирургические инструменты.

В одной из статей в «Острэлиан» руководитель крупнейшей в Австралии компании «Брокен Хилл пропрайети» Р. А. Невисон высоко отзывался о советской охладительной системе для доменных печей. Я позвонил ему и договорился о поездке на металлургический завод в Порт-Кембле, неподалеку от индустриального центра Вуалангонг в штате Новый Южный Уэльс, где как раз и применяется эта охладительная система.

Директор завода Джон Дивайн сам не раз бывал в СССР, встречался с металлургами Кривого Рога, с учеными Москвы и Киева. Дивайн — деловой человек и, как все деловые люди, смотрит на развитие советско-австралийской торговли в первую очередь с точки зрения той выгоды, которую она может принести его предприятию. А оно — одно из наиболее современных в Австралии.

— Мы не покупаем старья, — говорит Дивайн. — И ищем в первую очередь те технические новинки, которые позволяют двинуть вперед производство. Именно поэтому мы и купили лицензию на советскую охладительную систему: она одна из лучших в мире.

Дивайн пригласил одного из молодых инженеров, и вместе с ним мы прошли к доменной печи. Инженер рассказывал, как монтировали советскую систему, приспосабливая ее к австралийским печам. Для Австралии советская техника — дело совсем новое, но, как показывает пример металлургического завода в Порт-Кембле, перспективное.

Развитие советско-австралийского сотрудничества не всегда идет гладко. Велика инерция долгих лет искусственно нагнетавшейся враждебности к СССР, положение начало меняться только после прихода к власти лейбористского правительства во главе с Г. Уитлемом. Судя по ряду заявлений нынешнего правительства Австралии во главе с М. Фрейзером, советско-австралийские отношения будут и впредь развиваться.

Зал скандировал: «Ольга!»

На экранах Сиднея, Мельбурна, Канберры, Перта идут советские фильмы «Чайка», «Романс о влюбленных», «Лютый», «Король Лир», «Пиросмани», «Дядя Ваня». Эдмунд Элисон, один из устроителей недавнего фестиваля советских фильмов в Австралии, директор компании «Куолити филмз», говорил мне: «Наше название (а «куолити» означает «качество») для нас не случайное, это наша позиция. Советские фильмы идеально подходят для того, чтобы репутация нашей фирмы поддерживалась на самом высоком уровне, ибо главная их характеристика — высокое качество. И австралийский зритель это ценит. Ваши фильмы идут в Австралии неизменно с успехом».

С большим успехом разъезжал недавно по Австралии молдавский ансамбль «Жок». Все его концерты прошли с аншлагами. У входа в театр «Кэпитол» в Сиднее стояли толпы театралов — у многих были на груди плакатики: «Куплю лишний билет».

«Паломничеством» назвала австралийская пресса тот прием, который оказывали в Австралии советским гимнастам. А особенно Ольге Корбут. Сиднейские модницы заказывали цветные майки с ее портретом. По местному телевидению дважды показывали фильм о ней. Зал скандировал «Ольга! Ольга!» каждый раз, когда спортсменка подходила к брусьям.

«Шайбу, шайбу!» — скандировали с английским акцентом болельщики нашей футбольной команде «Динамо», выступавшей на крупнейших стадионах Австралии.

«Будем надеяться, — писала тогда газета «Соккер ньюс», орган Австралийской ассоциации футбола, — что советские спортсмены, показавшие такой высокий класс игры, помогут поднять футбол на высоту и в Австралии после долгих лет его застоя».

Тысячи австралийцев окружали стенды и фотовитрины о совместном полете кораблей «Союз» и «Аполлон». Информацию о нем публиковали на первых полосах все газеты страны, постоянно сообщали о нем радио и телевидение. Оказалось, что полет этот для Австралии имел и чисто практический интерес. Представитель королевских ВМС Австралии Р. Пик рассказывал мне, что, пролетая над пятым континентом 21 июля, космонавты сделали цветные снимки одного из так называемых «теплых водоворотов», постоянно появляющихся у австралийских берегов. Ученые пытаются выяснить загадочную природу источников энергии, питающих эти водовороты, и то влияние, которое они оказывают на формирование облаков, судоходства и миграцию ценных пород рыб.

И все же информация о нашей стране пока невелика в Австралии. Вопросы и суждения порой слышишь крайне наивные. В Куинсленде мне встретился один владелец мотеля, который, узнав, что я корреспондент «Правды», искренне удивился: «А я думал, что ваши газеты получают всю информацию от правительства». Когда я рассказал ему о своей работе и о том, какой интерес к Австралии проявляется в СССР, он сказал: «Вы уж не судите меня строго, ведь о вас пишут так редко. Да и чепуху всякую. Сами видите по моему вопросу».

Правда все же находит себе дорогу и на страницы австралийской прессы. Чаще стали публиковаться статьи об СССР, и, что самое главное, чаще появляются статьи доброжелательные, объективные, с информацией, которая говорит сама за себя. Недавно в Сиднее стал выходить журнал «Сервей». В обращении к читателям редколлегия журнала, в которую вошли представители научных, деловых и профсоюзных кругов страны, говорилось:

«Мы публикуем «Сервей» потому, что считаем, что в интересах Австралии как во внутринациональном, так и в международном плане иметь доступ к правдивой информации о том, что происходит в странах, живущих при другой политической и экономической системе, играющей важную роль в международной жизни».

С этим соглашаются все больше австралийцев, особенно те, кто уже завязал с нами официально деловые и просто личные, основанные на интересе к нашей жизни, контакты.

Сидней, январь

«МЕМУАРЫ РУССКОГО РАБОЧЕГО»

со стр. 8 ▼

Ведущая сила современного общества — это рабочий класс. Сфера материального производства (как в капиталистическом, так и в социалистическом обществе) богата такой динамикой и драматизмом, которые должны увлекать настоящего художника.

Арбатский: «Наше общество претерпело изменения, но какой-то «новый буржуазный климат», о котором толкуют маоисты, тут ни при чем. Нет, это мы сами изменили общество, повысив и улучшив производство. Основой послужило социалистическое соревнование. Например, на «Трехгорной мануфактуре» ткачихи стали обслуживать больше станков, чем раньше. Это не значит, что они перешли с ходьбы на бег, — производительность труда повысилась благодаря лучшей образованности работниц, благодаря лучшему оборудованию, автоматизации. Быстрый рост производства в 50—60-х годах обновил наше общество, легче и свободней стала жизнь. «Холодная война» выдыхалась, а это означало, что постепенно приходит конец тому почти осадному положению, в котором мы жили с 30-х годов. Росли накопления, ширилось производство. Появилось новое социальное законодательство, а вместе с ним — резкое повышение пенсий, сокращение рабочего дня, удлинение декретного отпуска».

У Густава Эриксона воспоминания о послевоенном времени самые горькие. Капиталисты усилили нажим на рабочий класс. Период трудоспособности сократился на десять лет, за воротами заводов оказывалось все больше рабочих, не выдерживавших усилившейся эксплуатации. В Швеции пенсия выдается с 67-летнего возраста, но все привычнее становится картина трагедии человека, который уже в 50 лет теряет конкурентоспособность на рынке рабочих рук. Оттого, что пособие по бедности, существовавшее в 30-х годах, переименовали в социальное пособие, лучше не стало. Уволенные подвергаются унижениям столь же последовательно и жестоко, что и 30 и 40 лет назад.

Но Густав видит и коренное отличие нынешнего состояния мира от того, каким он был в 30-х годах: социализм победил во многих странах и превратился в ведущую мировую силу. Правду о нем уже невозможно скрыть за завесой лжи, но о том, чтобы распространять, а не замалчивать правду, договорились прошлым летом в Хельсинки главы европейских государств, США и Канады. Эти важные международные сдвиги были предопределены в конечном счете успехами советского рабочего класса.

Я считал, что много знаю о Швеции, пока не встретил Эриксона. И думал, что более-менее знаю Советский Союз, пока не встретил Арбатского. Но большая часть того, что я читал и изучал, была написана интеллигентами для интеллигенции. Рабочие научили меня гораздо большему. Пусть я не стал «новым Джеком Лондоном», зато стал тем, кто я есть: обычным человеком из среднего класса, понимающим, однако, что он не так уж многому мог бы поучить таких людей, как Густав Эриксон или Владимир Арбатский.

Но что я могу как профессиональный писатель, так это отдать мое перо на службу им и их товарищам.

Стокгольм (по телексу ТАСС)

Перевел со шведского Б. СЕНЬКИН

«...И ТОГДА Я ВСПОМИНАЮ МОСКВУ»

Валерий ВОЛКОВ

Двадцатиместный двухмоторный самолет компании ТАМЕ, вырвавшись из лабиринта Долины вулканов, прижимается к земле. За окном бескрайний ковер зелени, исполосованный лентами рек и речушек. Самая большая из них — Эсмеральдас. Сквозь густые джунгли Эквадора несет она свои воды в Тихий океан. Эсмеральдас в переводе означает «изумруды». Когда-то испанские конкистадоры Писарро и Альмарго получили от местных индейцев много дорогих подарков, среди которых выделялись большие зеленые камни. Обилие изумрудов в русле реки настолько поразило завоевателей, что они тут же назвали новую провинцию и реку Эсмеральдас.

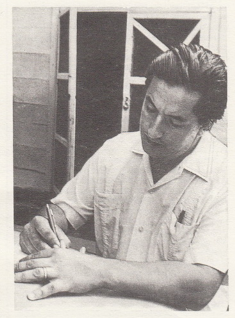
Расчищенный от деревьев участок, на котором разместились короткая грунтовая взлетно-посадочная полоса и приземистый домик контрольно-диспетчерского пункта, выглядит сверху крохотным островком среди зеленого моря сельвы — заболоченных джунглей.

Прямо к деревянной лестнице, заменяющей трап, подкатывает старомодный пузатый автобус. Через несколько минут мы уже едем по дороге, похожей на туннель: так плотно сомкнулись над ней кроны деревьев. Дорожникам здесь приходится вести постоянную борьбу с «зеленым адом». Вдоль колеи еще лежат свежесрубленные деревья, а рядом с пнями уже зеленеют свежие побеги, затрудняя разъезд встречных машин.

Паром, соединяющий два берега Эсмеральдас, едва справляется с бурным течением, дрожит всем корпусом, кренится. Негры-грузчики, сидевшие в кузовах машин, на ящиках бананов, торопливо спрыгивают на палубу. Нас, пассажиров, предусмотрительно высадили из автобуса. При очередном, особенно сильном рывке парома мы вцепляемся в поручни. Никто уже не улыбается, как было в начале переправы. Но вот, наконец, паром вжимается правым бортом в песчаный берег. Уф, наконец-то добрались!

Теперь дорога узкой лентой петляет по зарослям банановых плантаций. На склонах холмов, словно цапли на болотных кочках, торчат на сваях одинокие хижины под пальмовыми крышами. Еще поворот — и мы в Эсмеральдасе.

В общем, Эсмеральдас на первый взгляд городок как городок, не хуже и не лучше других провинциальных, скажем так — населенных пунктов, которые я повидал и в Эквадоре, и в других местах Латинской Америки, — есть и вполне благоустроенный центр, и пояс бедняцких трущоб. Но есть у Эсмеральдаса и своя гордость — Технологический университет. А работает в университете — и не кем-нибудь, ректором — мой старый знакомый Леонардо. Нет, уже доктор Леонардо Паредес. К нему-то я и спешу, выбравшись на центральной площади из запыленного пузатенького автобуса, едва не искупавшегося при переправе. Очень спешу, потому что знаю, как обрадуется нашей встрече доктор. Я везу ему кучу приветов и новостей из Москвы, а то письма письмами, но в них всего не вместишь.

или рассказ о том, как выпускник московского вуза стал ректором университета в Эквадоре.

(Кстати, именно за писанием приветов в Москву я его и сфотографировал.)

Но разрешите мне прежде познакомить вас с моим другом из Эсмеральдаса, а потом уж я перескажу по своим записям коечто из услышанного мною от него за те три дня, что я провел в его городе.

Леонардо Паредес родился 36 лет назад в городе Кито в семье профессионального революционера. Его отец не только воспитывал в сыне любовь к своей стране, к своему народу, но и объяснял ему, еще мальчику, почему так много горя достается одним — тем, кто всю жизнь работает, и так много денег другим — тем, на кого работают первые. Впрочем, отца и мать часто арестовывали, высылали из страны, и поэтому Леонардо чаще жил не в отцовском доме, а у соседки, Луисы Гомес де ла Торре.

Окончив среднюю школу, Леонардо поступил в Центральный университет Кито на медицинский факультет, но проучился всего два года. Леонардо пошел по стопам отца: на первом же курсе вступил в Революционный союз эквадорской молодежи, стал непременным участником студенческих сходок и демонстраций.

В 1960 году власти запретили Революционный союз эквадорской молодежи, а его руководителей бросили за решетку. Леонардо удалось эмигрировать в Колумбию. Там, в Боготе, произошло событие, круто изменившее его жизнь, — он получил при-

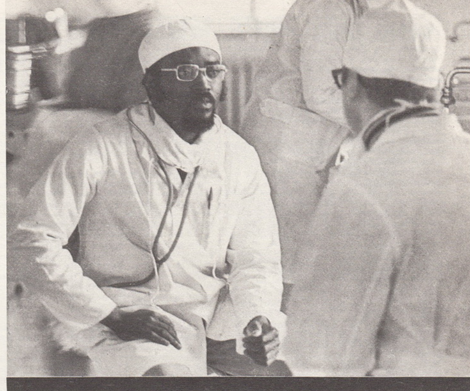
глашение продолжить медицинское образование в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. И вот Москва... Но дальше пусть рассказывает сам Леонардо Паредес, я же буду его иногда перебивать, но совсем немного, в скобках.

...Первые впечатления всегда самые яркие. Я их легко восстанавливаю даже сейчас. Не успел передохнуть с дороги, отправился походить по Москве. О, надо быть иностранцем и жить, как у вас говорится, за тридевять земель, и любить вашу страну, как я ее люблю, чтобы так хотеть своими глазами увидеть наконец знакомые по фотографиям Красную площадь, Мавзолей Ленина, Большой театр, мосты и площади Москвы. А больше всего удивило и обрадовало — я не сразу понял, отчего это, — ощущение раскованности и покоя в душе. Люди. Вот в чем дело. Они не оставят в беде, не отвернутся — мол, меня, касается только то, что касается лично меня. Не зная ни слова по-русски, я спокойно бродил по городу и не чувствовал себя в нем чужим. Совсем незнакомые люди охотно и терпеливо объясняли мне дорогу, помогали в кафе или на почте. И главное, не были просто и только информаторами, нет, я был им интересен. Может, мой тогдашний восторг был несколько наивен. Согласен. Но мне, прожившему свои 20 лет в иных условиях, первые дни действительно было в диковинку, что все, все люди могут помогать друг другу бескорыстно, чистосердечно, не требуя за это никакого вознаграждения.

Началась учеба на подготовительном факультете. Сколько сил, умения, старания отдавали наши преподавательницы, чтобы за короткий срок познакомить нас с премудростями русской грамматики и фонетики. Милые, душевные женщины. Понимая, что отведенного на классные занятия времени нам мало, они приходили к нам в общежитие, помогали готовить домашние задания, водили нас на экскурсии, в кино, в театры. Мы сначала и не подозревали, что внеклассные занятия им не оплачиваются, а узнав, стали уважать их еще больше. Девять месяцев учебы пролетели незаметно. Первые каникулы мне предложили провести в студенческом лагере на Черном море, но я попросился на работу в какой-нибудь колхоз. И не пожалел об этом.

Солнечная Молдавия. До сих пор у меня перед глазами виноградники, без конца и края, ровные грядки кукурузных плантаций, подсолнухи, как золотые сковородки. Там, в Молдавии, я мог сравнить труд наших крестьян-индейцев и советских колхозников. Какой контраст! Тракторы, комбайны, машины, труд, который людям в радость. Я смотрел на все это и вспоминал жалкие лоскутки земли в районе Лохи, воловьи упряжки, безысходную нужду.

Первые два года в университете были самыми трудными. После занятий я бежал в больницу, куда меня прикрепили после первого семестра. Работал сначала санитаром, потом медбратом, акушером, лаборантом. Мои преподаватели, Андрей Осипович Василенко и профессор Владимир Владимирович Виноградов, требовали не только знаний, но и — спасибо им теперь — практических навыков. Увлекаясь хирургией и биологией, я по их совету много занимался также диагностикой инфекционных заболеваний, написал несколько курсовых работ по тропическим болезням. В Эквадоре именно эти знания должны были пригодиться больше всего (так оно и вышло). Адреса московских магазинов медицинских книг я и сейчас помню назубок. Я собрал тогда около тыся-

Номер журнала, который вы, читатель, держите в руках, мы обязательно вышлем и доктору Леонардо Паредесу, ректору Эквадорского технологического университета в городе Эсмеральдасе. О нем рассказывается на этих страницах. Мы уверены, ему будет приятно посмотреть фотографии, запечатлевшие будни его альма-матер, Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Приведем здесь лишь несколько цифр и фактов, характеризующих жизнь этого большого интернационального коллектива. Всего на факультетах вуза обучаются более 5 тысяч студентов, аспирантов и слушателей. Работают 76 кафедр и 6 самостоятельных курсов. В УДН действуют около 100 интернациональных и национальных студенческих организаций. За период с 1963 по 1974 год в университете подготовлено свыше 450 кандидатов наук.

Вот какую оценку деятельности университета дал Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм: «...специалисты, подготовленные Университетом дружбы народов, своим трудом оказывают огромную и важную помощь развивающимся странам во всем мире...»

чи книг, они до сих пор мои главные помощники.

Проучившись два курса на медицинском факультете в Кито, я не чувствовал себя совсем новичком в медицине. Но сама постановка дела была для меня новой. На первой же неделе работы в университетской клинике, на первых же семинарах и лекциях мне бросилось в глаза, что главная задача, которую ставят перед студентами преподаватели, состоит не в бездумной зубрежке тысяч медицинских терминов по-латыни. Наши педагоги старались научить нас клиническому медицинскому мышлению, привить нам любовь к самостоятельной диагностике, развить в нас профессиональную интуицию. До сих пор помню свою первую неописуемую радость, когда узнал, что четверо больных, которых вел я, выписались из больницы здоровыми только благодаря тому, что я вовремя, с помощью профессора Виноградова, поставил правильный диагноз.

(В Эквадор доктор Паредес вернулся в октябре 1968 года и начал работать в самой большой городской больнице Кито. Но многие смотрели косо на выпускника Московского университета, особенно главный врач; кстати, он одновременно был лечащим врачом американского посольства. Довольно скоро Леонардо Паредеса выжили из больницы. Имея на руках диплом УДН, молодой специалист оказался на улице. Не оставалось ничего другого, как заняться частной практикой.)

Частная практика — это не по мне. Наживаться на больных — и это после восьми лет, прожитых в Советском Союзе!.. Поэтому, когда мне сказали, что в одной провинциальной больнице, на острове Муисне, в дельте реки Эсмеральдас, освободилось место врача, я с радостью согласился. Уже через неделю я был на острове. Добирался машиной, на лошади, на лодке, последние десять километров по джунглям пешком. Оказалось, что в моем лице больница Муисне впервые приобрела дипломированного врача. Лечил главным образом не в старом бараке, который тогда назывался поликлиникой, а прямо в домах, точнее — в хижинах. Работы хватало — островитян косили малярия, тропическая анемия, дистрофия и другие напасти, ребятишки болели всеми известными детскими инфекциями. Грязища кругом, нищета. Нет-нет да подумывал: привязанный я, что ли? Брошу все, уеду обратно в город, в нормальную, цивилизованную жизнь. И тогда, поверишь, я вспоминал Москву и лица своих учителей и товарищей... Нет, милый друг, говорю себе, никуда ты не сбежишь. И еще в такие трудные минуты я брал в руки книги Швейцера, настоящего врача и человека. И тянул свою лямку дальше.

Сначала труднее всего обстояло даже не с диагностикой и лечением. Это все профессиональное. Угнетало другое. Очень часто тяжелобольные вообще отказывались от моей помощи: американские священники-миссионеры распустили слух, что коммунист, приехавший из Москвы, не лечит людей, а заражает их «бациллами коммунизма». И вот такая глупая, грубая — называй как хочешь — нелепица срабатывала. Много ли надо, чтобы запугать темного человека? Но мало-помалу люди стали в меня верить. Когда выдавалось свободное время, я работал вместе с ними на банановых плантациях, собирал кокосовые орехи, какао, апельсины, ловил рыбу. Крестьяне увидели, что «доктор из Москвы» никакой не «бациллоноситель коммунизма», а такой же, как они, эквадорец и не гнушается трудной работы. Окончательно своим я стал тогда, когда во время бури спас рыбака и с помощью операции вернул его к жизни.

В Эквадоре неплохие врачи, но плохо, что в медицину у нас вмешивается дух коммерции. Коммерческая медицина — противоестественное сочетание! Увы, так все и есть. Очень многие наши медики вынуждены — именно вынуждены, ибо такова система, — строить свое благополучие на несчастии людей. Это следствие главного зла — недостаточной заботы о здравоохранении со стороны государства. Если бы строилось больше больниц, поликлиник, консультаций, меньше было бы больных людей, меньше врачей-коммерсантов.

Понятие о социальной медицине я получил в Советском Союзе. И, оказавшись, как Робинзон Крузо, на острове Муисне, прежде всего решил взяться за искоренение именно социальных болезней, хотя бы тех немногих, которые могли быть по силам врачу. Хотя государство не выделило дополнительно ни одного сукре, мне удалось расширить старую больницу, увеличить число коек с 12 до 30. Всем жителям острова я сделал прививки против малярии, тифа, дизентерии и других болезней. Через год я возглавил комитет по строительству моста и шоссейной дороги, которая должна была связать остров с городом Эсмеральдасом. Дорогу эту закончили только недавно, а тогда связь с материком была только на случайных лодках и индейских каноэ.

Так пролетели два года. А в 1972 году на кафедре биологии Технологического университета в Эсмеральдасе был объявлен конкурс на замещение вакантной должности преподавателя, и я решил попытать счастья.

(Конкурс этот Леонардо Паредес выдержал без труда и приступил к преподавательской работе. Одновременно, чтобы не потерять врачебную практику, поступил врачом в местную больницу. Вскоре его назначили заведующим приемного отделения, а затем и заместителем главного врача. Не менее блестящая карьера ждала его и в университете. Сначала коллеги избрали доктора Паредеса в ученый совет факультета, затем он стал членом ученого совета университета, деканом педагогического факультета, и наконец студенты и преподаватели избрали его ректором.)

В чем дело, почему именно меня, а не кого-нибудь из выпускников, скажем, американских университетов, студенты и преподаватели единодушно избрали и поставили во главе самого молодого университета страны? Тут не в моих каких-то особых качествах дело. Мне кажется, что прежде всего доверие и честь были оказаны советской школе медицины, советской педагогической практике. Закончив УДН, я стал не просто профессионалом, знающим свое дело врачом. Годы жизни и учебы в Москве научили меня очень многому. Общественная работа, которую я вел в Ассоциации латиноамериканских студентов, обучающихся в Советском Союзе, а также работа секретарем Постоянного латиноамериканского семинара студентов в Москве дали мне большой опыт практической, организационной и политической деятельности. Дискуссии и споры на семинарах, разговоры с преподавателями и, наконец, бурные дебаты в комнатах студенческого общежития готовили из нас не просто хороших врачей, инженеров, агрономов, но и помогали нам стать патриотами своих стран, понять суть происходящих в мире событий.

Латиноамериканский университет очень многое заимствовал от старой испанской школы. Формальный подход к знаниям, теологическое влияние, крен в подготовку «элитного» слоя профессионалов — все это оторвало университетскую систему от целей и задач, стоящих перед страной. Издавна университет был поставлен на службу колонизаторам. Его характер не изменился и после завоевания независимости. На место испанских догматиков пришли неоколониальные веяния из Соединенных Штатов и Западной Европы. Однако прогрессивная интеллигенция стран Латинской Америки постоянно боролась против иностранного засилья, стремилась приблизить науку к конкретным проблемам, волнующим наши народы и страны. Мало дать образование будущим специалистам, надо воспитать в них патриотизм, желание принести максимальную пользу народу.

Думаю, у нас, в университете Эсмеральдаса, это получается. Я же вижу, с каким интересом слушают меня студенты, когда я рассказываю им о школе воспитания гражданственности в Советском Союзе — прежде всего о студенческих строительных отрядах.

Именно используя опыт таких трудовых семестров, мы создали бригаду энтузиастов по борьбе с инфекционными болезнями в провинции Эсмеральдас. Вместе с будущими врачами в далекие экспедиции, в глухие уголки провинции отправлялись студенты юридического, экономического, технического факультетов. Надо было видеть их радость, их гордость, когда они, возвратясь после месячных скитаний, рассказывали на университетских собраниях о своей работе.

Значение этих «хождений в народ» интересно еще в одном аспекте. В Эквадоре, как и в других странах Латинской Америки, есть увлечение левой революционной фразой. Многие молодые люди, идя на поводу у маоистской пропаганды, часто совершают необдуманные поступки, которые совсем не на пользу делу прогресса. Наши трудовые семестры — это ответ тем, кто любит произносить на улицах революционные лозунги да обсуждать до хрипоты в кафе и барах «проблемы революции» вместо того, чтобы практически участвовать в становлении национальной культуры, самосознания, национального достоинства народа...

Преодолев крутой подъем, «джип» въезжает на вершину холма Панесильо. Отсюда весь Эсмеральдас и залив видны как на ладони. Только скрежет драги, расчищающей устье реки, и рев мощных бульдозеров, ровняющих причалы, нарушают идиллию открывшейся картины.

— Оживление в порту — дань времени, а точнее, нефти, — говорит Леонардо Паредес. — Если Эквадор раньше называли банановой республикой, то Эсмеральдас можно было назвать самой банановой провинцией банановой республики — здесь много плантаций, и сорта бананов самые ценные. Так что правда, это пока главное богатство края. Но теперь здесь прошел трансэквадорский нефтепровод — он выходит к океану в нескольких километрах отсюда, к порту Балао. И судьба Эсмеральдаса резко меняется Нужно готовиться к промышленной эксплуатации нефти. И тут за нашим университетом не последняя роль. Мы планируем создать факультеты нефтехимии, сельского и лесного хозяйства. Мы хотим доказать, что можно и нужно воспитывать национальные кадры, которые будут думать не о личной наживе, а о проблемах страны.

Когда мы расставались, я не удержался: «А что бы тебе сейчас — махнуть в Москву, не хочется, а?» Доктор Леонардо Паредес, самый молодой ректор самого молодого университета Эквадора, в ответ только и сказал: «И хочется, да дела не пускают».

Эсмеральдас — Кито — Москва

Фото автора
и Э. Эттингера

ПОСЛЕ ВТОРОГО СЕЗОНА

В. ЛЕВИН

Мы сидели втроем, и нам было хорошо.

Наш предварительный договор о том, что мы будем говорить о науке, как будто был забыт, словно его не существовало. Я же всегда знал, что люди науки, собираясь вместе, очень часто вначале говорят о чем угодно, только не о своей науке, но потом им все равно не избежать возврата к ней. Не могут же люди не заговорить наконец о том, чему они посвятили, скажем, десяток лет своей жизни, а то и больше? И вот тогда все произойдет естественно и хорошо, как только и может произойти в случайном и добром разговоре.

Но произошло это настолько просто, что, когда я спохватился: «Так как же интервью?», два ученых, советский и индийский, доктор исторических наук Сергей Александрович Арутюнов и доктор антропологии Кайлаш Чандра Малхота, с искренним сожалением пожали плечами. (Обоих вы можете найти на фотографиях. Одна из них сделана в Индии, во время экспедиции; другая — в Москве, в музее Коломенское. С. Арутюнов — слева.)

— А я ведь действительно затрудняюсь, — сказал Сергей Александрович. — Что такого интересного для непрофессионала я могу сказать?

— Но ведь Индия...

— Ну и что Индия? — возразил Арутюнов. — Ваш читатель наверняка знает об этой стране. Я вряд ли что могу добавить... Да и вообще, я не так уж много видел. Работали, ездили по деревням, ставили антропометр — попросту штангу для измерения роста — и уговаривали местных жителей постоять спокойно рядом с ним минуту-другую. Иногда уговаривать было трудно, иной раз проще. Записывали цвет кожи и глаз, строение черепа, рост... Ну и так далее...

или рассказ о том, как деловые отношения перерастают в личные и как много они значат для дела

— Вот-вот... По селениям. Глухие места...

— Начнем с начала, — предложил Сергей Александрович. — Это были совместные советско-индийские полевые антропологические исследования. Инициатор их — Индийский статистический институт, а если конкретней, то главный инициатор — профессор Прасанда Чандра Махаланобис, крупнейший математик, кстати, почетный член нашей академии. К сожалению, он умер. В 1971 году. Но работу первого полевого сезона он наблюдал. Это было в том же, 1971 году. Это он и основал Индийский статистический институт. Связи же между нашей математической школой и индийской давние, традиционные. В Индии прекрасная школа статистиков. Всего один факт, говорящий об этом: в США сейчас работают 400 статистиков из Индии. Наша же, советская школа имеет свои достоинства. Сочетание этих достоинств и привело к совместной работе. Не углубляясь в научные тонкости, могу сказать, что нашими учеными выработана единая методика антропологических измерений. Она-то и ценна. Если же взглянуть шире, то информация, знания, если хотите, политика, добытые и выработанные советской наукой в отношении малых народностей, имеют несомненную ценность для Индии. Однако, чтобы объяснить цели нашей совместной работы, понадобится немного теории.

Ни один, даже самый значительный социально-этнический сдвиг в истории не смог начисто смыть с лица земли предшествующий ему образ жизни. На нашей планете и сейчас бок о бок соседствуют племена охотников и земледельцев, а миллионы людей ведут еще кочевой образ жизни. Есть племена, которые как бы воскрешают в памяти человечества первобытнообщинную эпоху, и рядом — народности, объединения нескольких племен на тех социально-экономических принципах, которые характерны были для первых государств Земли. Ну и, наконец, существуют нации — характерные только для нашего времени объединения. Человечество как бы одновременно умеет возводить стоэтажные здания и строить лишь ветровой заслон из сучьев и листьев. Оно конструирует космические ракеты и в то же время не умеет не только плавить железо, но даже изготовлять посуду из глины.

Чем же объясняется такая неравномерность? Причин много — и социальных, и исторических, и географических. Но можно выделить и некую общую закономерность. Представим себе человечество каменного века, когда на Земле были только племена. Что такое племена с точки зрения теории информации? Это группы людей, объединенные только родственными связями — трудовыми навыками, устными преданиями, передающимися из поколения в поколение, традициями, одними и теми же богами, браками. Конечно, кое-какие связи с другими племенами тоже существуют. Но почти никакой роли в жизни племени они не играют. Иными словами, в первобытнообщинную эпоху люди были объединены только внутриплеменной информацией. Но с течением времени межплеменных каналов информации становится все больше и больше. Наступает момент, когда межплеменные связи начинают играть для племен такую же роль, как и внутриплеменные. Это значит, что появилось новое этническое образование, которое мы, этнографы, и называем народность. В принципе образование наций можно проследить таким же способом.

Наше время с этой точки зрения ничем не отличается от предшествующих эпох. Существует внутринациональная информация, цементирующая нацию, и межнациональная. Причем значение межнациональной информации все больше и больше возрастает. Но, как мы уже говорили, человечество одновременно живет и в каменном веке, и в атомном. И не только человечество в целом, но

и отдельные страны. Так вот, в Индии запускаются спутники, и в то же время есть крупные современного облика и масштаба предприятия, на которых, в сущности, все руководство — это члены одной и той же касты. В пределах одной государственной границы — ультрасовременность и первобытнообщинные отношения, нация и племена, живущие прапрадедовскими законами...

— Да нет, Сергей. Это лекция, — прервал Кайлаш. — Лучше по-другому.

И, обращаясь уже только ко мне, продолжил:

— Я не философ и не социолог. Я антрополог, и весьма узкой специализации. Моя профессия — считать. Лицевые углы, черепные указатели, сагитальные диаметры и всё прочее. Но, конечно же, общие проблемы этнографии не минуют меня. И когда мои московские коллеги доктор Арутюнов и профессор Чебоксаров предложили теоретическую разработку, связав становление и существование этносов с понятием информации в самом широком его смысле, я увидел в ней ответ на вопросы, над которыми много думал.

Человечество всегда жило как бы в двух измерениях. Современность всегда была объемной: глубину ей давала история, а горизонт — знания соседей, окружающего мира. Хотим мы этого или не хотим, но прошлое живет в нас — в каждом отдельно и в человечестве в целом, в каждой нации. И не в нашей воле ни изменить это прошлое, ни выбрать оттуда только то, что нам хочется, ни полностью отмахнуться от него. И вот на это прошлое накладываются новые знания, новая информация. Сами по себе эти новые научные знания не имеют ни положительного, ни отрицательного знака. Сами по себе они вне морали, вне этики... Колумб не повинен в ужасах конкисты. Первый самолет не несет ответственности за своего потомка, сбросившего бомбу на Хиросиму, а первый летчик — за своего коллегу по профессии, нажавшего бомбовый рычаг над этим городом... Но всегда — рано или поздно — знания перестают быть бесстрастными. Рано или поздно они обретают совесть. Совесть общества, в котором растворяются.

В этом отношении современный мир, современный рост знаний ничем принципиально не отличаются от того, что было раньше. Принципиальное отличие здесь в другом — мы понимаем, что никакие знания не могут быть сами по себе панацеей от социального зла, и ощущаем ту скорость, с какой сейчас всякое новое знание обретает социальный знак. И это делает наше время особенно ответственным перед будущим: знания растут лавинообразно, предугадать завтрашние открытия трудно или даже невозможно, и мы должны делать все, чтобы для того пороха, который появится завтра, человечество изобретало только двигатели, а не пушки.

В каждом из нас заложена наследственная информация — она и в строении черепа, форме носа, цвете кожи, волос, и в этических, и моральных, и культурных категориях, переданных нам родителями. «Вылитый отец» — так можно сказать не только о ребенке, но и о поколении. Но, как каждый ребенок, как бы ни походил на отца, всегда чем-то отличается от него, так и каждое новое поколение никогда не может быть точной копией предыдущего. Человек никогда не жил по принципу «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не говорю». Иначе у нас с вами не было бы истории, не было бы движения цивилизации.

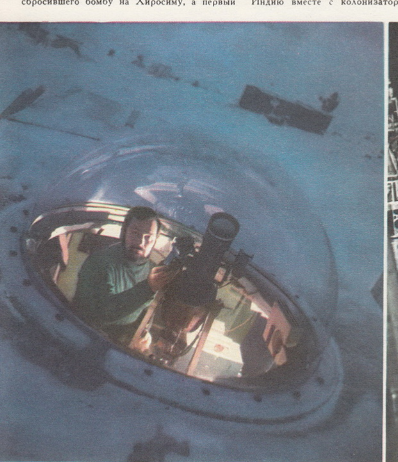
Но тут возникает первостепенной важности проблема. Проблема совместимости новых знаний и национальных традиций. В Индии, пережившей века колониального угнетения, этот вопрос стоит сейчас особенно остро. Европейская наука пришла в Индию вместе с колонизаторами. И эта наука говорила на языке колонизаторов. Новые знания как бы изначально имели в глазах индийского общества отрицательный социальный знак... Не случайно у нас есть ученые, культурные деятели, которые призывают ради восстановления национальной культуры отказаться от современных научных знаний, видя в них только «реликт колониализма».

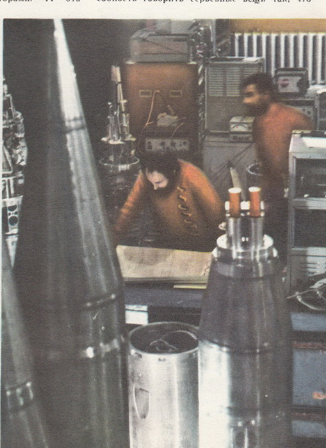
Знания никогда не шли от народа к народу безликими путями. Они всегда — хотя бы в эмоциональной памяти — остаются связанными с людьми и поступками. Физика нашего века не существует без усталых глаз Эйнштейна, а выход человечества в космос — без улыбки Гагарина...

Послушайте, — вдруг перебил себя Кайлаш, — ведь именно с этого и надо начинать интервью. Да-да. С Эйнштейна и Гагарина. Один из величайших умов современности, впитавший в себя ужас атомного взрыва, трагедию, в которой считал себя повинным. И улыбка человеческой надежды. Горечь раздумий и радость свершения. Вопрос и ответ. Я хочу подчеркнуть — социальный ответ... Поймите меня, для меня это не примеры к тезисам. Я вижу в них символы современного мира.

— Ну, вчера ты мне говорил, что из Москвы ты и нашу экспедицию по-новому открыл для себя, — улыбнулся Арутюнов.

— А я именно об этом и хотел сказать. Вот мы приезжаем в деревню. В первую очередь ищем, с кем связаться. Это может быть учитель, врач или, положим, человек, содержащий пансион для сирот. То есть нужен уважаемый в деревне человек, нужен, как мы говорим, формальный или неформальный лидер, только он может помочь. И вот этот «лидер» задает вопрос: зачем все это, зачем беспокоить людей? Тут всегда вступал Сергей. У него удивительная способность говорить серьезные вещи так, что

Мир острова Хейса, затерявшегося в бескрайних просторах Северного Ледовитого океана за 80-м градусом северной широты, настолько тесен, что каждый из его обитателей знает все даже об аппетите, вкусах, личных пристрастиях остальных. Более года назад сюда, к сотрудникам советской геофизической обсерватории «Дружная», прибавилось еще восемь человек — французов. Ученые двух стран участвуют в совместном научном эксперименте, носящем поэтическое название «Полярное утро».

На берегу океана домики полярников и все, что помогает им в их работе, — приборы, шары-зонды, стартовые площадки. В периоды магнитных бурь в небо, украшенное феерией северного сияния, стартуют мирные ракеты ученых. Они передают на Землю сведения для таких важных областей науки, как метеорология, радиосвязь, навигация, космические полеты. Руководители отрядов ученых — Кристиан Беген (Париж) и Юрий Тулинов (Москва) о проведенной совместной работе говорят как о вещах уже привычных, нормальных. Говорят, как о работе. «Все идет по плану».

Фоторепортаж Г. Копосова

людям видно, как они важны для него самого. И это, заметьте, для совсем непосвященного.

— И что же говорил Сергей Александрович?

— Ничего особенного. Только о смысле нашей работы. Мы преследуем три цели. Первое — создание этнической истории. Это не чисто академический интерес — человек должен знать свое прошлое. Но, может быть, это не самое главное. Медицинский аспект наших исследований дает едва ли не сиюминутный результат. К примеру, мы берем кровь... Есть уже ясно известные вещи: люди с кровью группы «Б» устойчивы к оспе, а с группой «А» — напротив, восприимчивы к ней. Но зато они устойчивы к язве. Вот вам уже практический выход. Но потом идет еще статистическая обработка нашей информации, а это значит, что можно чуть дальше проникнуть в область поистине удивительно перспективную — в тайны структуры генов.

— Но как же вам удавалось убеждать людей?

— А вот Сергей и говорил все это. Причем честно: для вас, мол, это беспокойство и, может быть, только беспокойство: стоять, когда тебя измеряют, терпеть, когда дают пробовать какую-то гадость, берут кровь... И вполне возможно, что вам это ничего и не даст. Но детям — детям вашим даст, это уж наверняка. И вот когда он говорил о детях, тут все и сдавались.

Вы, наверное, знаете, что в любой экспедиции у каждого участника есть обязанности формальные, чисто научные, и неформальные, которые человек берет на себя, не всегда даже замечая это. Так вот, почти сразу же Сергей стал в нашей экспедиции как бы министром иностранных дел. Именно он объяснял в селах, куда мы приезжали работать, смысл и цели нашей науки. Меня поражала серьезность, с какой он делал это, — без малейшего снисходительного заигрывания. С какой-то, я опять настаиваю, удивительной естественностью... Потом я постепенно понял: Сергей в этих контактах искал ответы на какие-то свои жизненные вопросы. Я буквально физически ощущал, как он испытывал радость узнавания себя в других и других в себе.

Там, в экспедиции я — это был наш второй полевой сезон — отнес это за счет личной, что ли, его эрудиции, культуры, этнографической любознательности. Но неожиданно для себя здесь, в Москве, — я не могу объяснить это словами, — я почувствовал то же в других людях. С кем бы я ни разговаривал, я точно видел, что для моего собеседника лично я — это целый мир, который ему необходимо, просто жизненно необходимо осмыслить. И тогда я понял, что Сергей не исключение. И именно это безошибочно угадывали в нем те, с кем ты, Сергей, разговаривал в Индии. И верили тебе сразу. Я говорю высоким стилем — но за тобой чувствовали совесть твоего народа. И поэтому та информация, которая перешла от Сергея к моим землякам и согражданам, уже останется. У нее положительный социальный знак.

И если уж говорить о целях нашей экспедиции, то это одна из них. Ее, правда, не сформулировало ни одно конкретное научное задание. Но эта цель, как говорят сейчас, продиктована велением времени. Эту цель просто надо было понять, чтобы увидеть...

Прощаясь с ними, я знал, что у них впереди еще не один сезон совместной работы.

«ПЕРВАЯ ПОЛОСА»

Лев ПАРШИН

или рассказ о том, что может узнать о СССР американец, читающий «Нью-Йорк таймс».

„Все новости, пригодные для печати», — этот девиз читатель «Нью-Йорк таймс» ежедневно, из года в год, видит рядом со шпигелем, то есть названием своей газеты (кстати, основное значение слова «шпигель» — зеркало), всегда на одном и том же месте, в левом верхнем углу, всегда в аккуратной строгой рамке. Многообещающие слова, не правда ли? И ко многому обязывающие. Попробуем же разобраться, как следует газета собственному принципу объективности в отборе новостей.

Наша задача облегчается тем, что недавно в Нью-Йорке вышла своеобразная книга-альбом под названием «Первая полоса». В ней собраны факсимиле 300 первых страниц «Нью-Йорк таймс» за 1920—1975 годы — тех страниц, которые редакция сочла самыми интересными и поучительными. Так сказать, избранные произведения «Нью-Йорк таймс», рисующие, по словам ее президента и издателя А. Сульцбергера, «картину современной истории» и позволяющие взглянуть на события за прошедшие 55 лет, «как если бы они происходили вчера».

Почему именно первая полоса? Ни один читатель не в состоянии осилить целиком весь номер «Нью-Йорк таймс», составляющий вместе с рекламой десятки и сотни страниц (в мрачноватый небоскреб редакции на 43-й улице по телефону, телеграфу, телетайпу поступает ежедневно около миллиона слов). Читатель просматривает, как правило, лишь «свою» секцию — экономическую, литературную, спортивную — и, конечно, первую полосу, на которую после тщательного отбора выносятся самые главные с точки зрения редакции новости. Первая полоса с ее броскими заголовками, фотографиями, системой размещения материалов и формирует во многом представления читателя о событиях в мире.

С виду первая полоса «Нью-Йорк таймс» строго информационна — как в былые годы, так и сейчас. Листаем альбом. В подчеркнуто-беспристрастном стиле подаются заявления республиканских и демократических лидеров США, речи Гитлера и американского президента, сообщения о нападении фашистской Германии на Польшу и японского флота на Пирл-Харбор. Почти без комментариев — читатель, мол, сам во всем разберется, сам даст свои оценки. Информация только сообщает факт, она якобы чиста, как детская слеза, и свободна от «груза идеологии».

Давайте, однако, в этом путешествии по

миру и времени зададимся одним лишь вопросом: какой показывает «Нью-Йорк таймс» СССР, какие знания о нас получает читатель этой газеты? Ведь далеко не каждый иностранец, в том числе и американец, имел, имеет или получит возможность, подобно героям и авторам других материалов, опубликованных в этом номере «Ровесника», лично познакомиться с нашей страной и нашими людьми.

Актуальность и важность объективного, правдивого показа в прессе жизни зарубежных народов особенно повысились в наши дни, дни материализации разрядки.

После Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором принимал участие и президент США (кстати, вопреки призыву «Нью-Йорк таймс» воздержаться от поездки в Хельсинки), редакторы и обозреватели этой газеты часто ссылаются на Заключительный акт, особенно на те пункты, которые касаются обмена идеями и информацией. Что ж, давайте откроем «Правду» или «Известия» за 2 августа 1975 года (там Заключительный документ Совещания в Хельсинки напечатан полностью; в «Нью-Йорк таймс», вышедшей в тот день, как обычно, на десятках полос, хватило места только на изложение), чтобы вспомнить то место из Заключительного акта, о котором идет речь. Вот: государства-участники поставили своей целью облегчать более свободное и широкое распространение всех форм информации, «сознавая потребность во все более широком знании и понимании различных аспектов жизни других государств-участников, отмечая вклад этого процесса в рост доверия между народами, желая с развитием взаимопонимания между государствами-участниками и с дальнейшим улучшением отношений между ними продолжать и дальше усилия с целью прогресса в этой области».

Конечно, в США издаются сотни газет, общеполитических журналов, ведут передачи множество телевизионных и радиокомпаний, а потому знания об СССР, представление о советской жизни формирует у «среднего» американца не одна лишь «Нью-Йорк таймс». Однако «Нью-Йорк таймс» — одна из самых крупных и распространенных (ее тираж — 900 тысяч, а по воскресеньям 1,5 миллиона) газет в США, она задает тон в подаче того или иного вопроса для значительной части газет, журналов, телестанций и радио — многие ее материалы без изменений перекочевывают в периферийную прессу. Во-вторых, она считается самой осведомленной газетой, нехватки в источниках информации она не испытывает. А в-третьих — именно «Нью-Йорк таймс» больше других гордится своей «независимостью», утверждая, что на ее точку зрения — «все новости, пригодные для печати»! — никто давления не оказывает.

Итак, какую же информацию получит американец, пожелавший узнать о Советской стране из книги-альбома под названием «Первая полоса: главные события за 1920—1975 годы, как они представлены в «Нью-Йорк таймс»? Может быть, нынешний читатель узнает о том, как молодая Советская республика покончила с интервентами; или о строительстве Днепрогэса; или о рождении нового города, Комсомольска-на-Амуре; о грандиозных битвах, решивших исход войны против гитлеровского фашизма, — под Москвой, в Сталинграде, на Курской дуге; об освоении целины; о пуске Братской ГЭС? Вроде бы все это пригодно для печати.

Вот новость первая, датированная 8 января 1922 года (до нее на 14 первых полосах, охватывающих два года, информации о нашей стране нет). Заголовок: «Litvinoff sneers at american gift» — «Литвинов насмехается над американским даром» (другие значения глагола to sneer — глумиться, высмеивать, хулить, порицать; выбирайте любое). Это собственный корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Москве Уолтер Дюранти пересказывает свою беседу с заместителем народного комиссара иностранных дел М. М. Литвиновым.

Что же сказал Литвинов? По словам Дюранти, следующее: «Мы очень благодарны за подаренное Америкой зерно на сумму в 20 миллионов долларов (в рамках международной кампании по оказанию помощи голодающим Поволжья. — **Прим. авт.**), но мы были бы еще более благодарны, если бы не потеряли за последние два года 30 или 40 миллионов долларов в результате американского вето на русское золото. С помощью этого вето скандинавские, французские и английские банкиры ограбили нас как раз на такую сумму». Замечание-то по делу. А заголовок подсказывал тогдашнему американцу, подсказывает и сегодняшнему, его внуку: попробуйте-ка иметь дело с этими неблагодарными большевиками. Подзаголовки довершат впечатление: «Красный фанатизм все еще горяч», «Сбиты с толку перспективой сесть за один стол с проклятыми капиталистами». Вот так-так! Но ведь еще в 1921 году ВЦИК обратился к ряду капиталистических стран, в том числе к США, с предложением установить торговые отношения, и как раз США ответили отказом. Уже тогда хорошо осведомленная «Нью-Йорк таймс» не могла не знать о словах «большевика номер один» В. И. Ленина: «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, — со всеми странами, но **особенно** с Америкой». И после этого писать, что большевики «сбиты с толку», писать о «красном фанатизме»? Впрочем, почему бы и нет, если строить расчет на том, что рядовой американский читатель не знает об этих словах В. И. Ленина и о позиции нашей страны по этому вопросу.

Информация вторая — о кончине В. И. Ленина. Затем — никакой информации на протяжении почти 14 лет (43 страницы в альбоме), и, наконец, 18 ноября 1933 года — шапка: «США признали Советы».

Как известно, Соединенные Штаты последними из крупных капиталистических держав установили дипломатические отношения с СССР. Президент Франклин Рузвельт впоследствии писал: «В 1933 году моя жена посетила одну из школ у нас в стране. В классе она увидела карту с большим белым пятном. Она спросила, что это за белое пятно, и ей ответили, что это место называть не разрешается. То был Советский Союз. Этот случай побудил меня обратиться с просьбой к президенту Калинину прислать представителя в Вашингтон для обсуждения вопроса об установлении дипломатических отношений».

Следует добавить, что к этому побуждали американское правительство серьезные политические и экономические причины, настойчивые требования общественности, а также большого бизнеса США. Установление нормальных отношений между двумя странами было, естественно, взаимовыгодным актом.

Как же отражает его «Нью-Йорк таймс»? Уже в заголовках начинается заметное смещение акцентов. «Соединенные Штаты признали Советы». Не говоря уже об уничижительном в глазах американца слове «Советы», налицо стремление сразу же представить это обоюдное действие как одностороннее, предпринятое Соединенными Штатами в качестве благодеяния в тот момент, когда они этого соизволили пожелать. Этот мотив еще более определенно звучит в первых же строчках информации: «Официальные отношения между Соединенными Штатами и Советами установлены вчера за десять минут до полуночи. Или, говоря проще, Соединенные Штаты признали СССР после шестнадцати лет и девяти дней существования Советского правительства».

Вторая строчка шапки: «Точное заверение о пропаганде». Обычные взаимные обязательства о невмешательстве во внутренние дела договаривающихся сторон газета превратила в козырную пропагандистскую карту очень простым приемом. Она перечисляет обязательства лишь Советского правительства, искусно перемежая текст официального дипломатического документа собственным комментарием. «Советское правительство обещает скрупулезно уважать неоспоримое право Соединенных Штатов распоряжаться своей жизнью в пределах своей юрисдикции» — это из документа (дается в переводе с английского. — **Прим. ред.**), а далее через запятую газета добавляет собственную трактовку: «давая заверение не распространять коммунистическую пропаганду в этой стране и не пытаться каким-либо образом ниспровергнуть американские институты».

В многословном заголовке говорится о каких-то «пунктах уступок со стороны России». Насчитано пять таких пунктов, причем форма, место, полиграфическое оформление — рамка, шрифт — подобраны такие, как для официальных документов. На этом месте и таким образом газета публикует обычно правительственные заявления, ноты, письма государственных деятелей и т. д.

В высокомерном, насмешливом тоне выдержана корреспонденция из Москвы о том, будто бы там известие об этом событии было воспринято населением как долгожданная манна небесная.

Взаимовыгодный акт представлен, таким образом, как благодеяние для «русских мужиков», на которое Соединенные Штаты согласились, продиктовав, однако, целый ряд суровых условий. Манипуляция фактами должна была отвлечь внимание от того политического тупика, в который зашла американская «политика непризнания». Вот такую «чистую информацию» получили тогда американские читатели...

Темы последующих новостей об СССР: принятие новой Конституции, выборы в Верховный Совет, репортаж о вынужденной посадке в Канаде экипажа В. К. Коккинаки и М. Х. Гордиенко, заключение договора с Германией о ненападении, вступление Красной Армии на территорию Западной Украины и Белоруссии да два фельетонных сюжета, взятых из советской печати. Вот и все о довоенной истории СССР. Удивительно ли, если, прочитав эти «избранные» корреспонденции, современный американец так и не поймет, каким образом на одной шестой части света возникло государство с новым общественным строем и как оно превратилось в мощную индустриальную державу. А уж о том, чтобы у читателя от этого поверхностного знакомства сложилось негативное отношение к советской действительности, редакторы «Нью-Йорк таймс» — и вчерашние и нынешние — позаботились отменно. Правда, нынешним при составлении сборника «Первая полоса» пришлось подпра-

вить вчерашних в существенном пункте — в альбом не включены те полосы, на которых «Нью-Йорк таймс» 91 раз предрекала «неминуемый крах» Советской власти, 14 раз — «скорое падение большевиков», 6 раз сдавала белым Петроград и 3 раза — Москву. Но зато, о чем бы другом эта газета ни писала — о Конституции СССР или об установлении советско-американских дипломатических отношений, она старается внушить своему читателю недоверие к Советской стране, неприятие всего, что с ней связано.

«Чистая информация» о Советском Союзе в «Нью-Йорк таймс» всегда содержит недвусмысленные оценочные характеристики, что выражается и в отборе лексических средств, грамматических конструкций. Заголовки материалов о нашей стране очень часто содержат слова с оттенком категоричности, со значением агрессивности. Советский Союз в этих заголовках требует, возражает, настаивает, вторгается, предупреждает, атакует, обвиняет. Даже в сугубо информационных, нейтральных вроде бы материалах применяются такие формулы («советские правители» вместо названия руководящего органа, «коммунистические режимы» вместо «социалистические страны» и т. д.), которые должны вызвать в сознании читателя внушенные пропагандой образы и в корне изменить характер сообщения. Этим же целям служат персонификация, прозвища, условности: «Советы», «Москва», «Красные», «Кремль». Политическое содержание, стоящее за этими словами, упрощается и огрубляется, а сами они связываются с определенными отрицательными стереотипами, содержат элемент неприятия, отвержения. Выступления советской печати, официальных лиц излагаются таким образом, чтобы заронить недоверие к ним, вызвать у читателя негативную реакцию. Отношение к материалу проявляется и в его подаче, размещении на полосе. Репортаж о боях Советской Армии в Берлине занимает такое же место, как сообщение — к тому же не подтвержденное — о взятии союзниками Северного Борнео. Вообще вторая мировая война, какой она предстает в альбоме «Первая полоса», шла иначе, чем знаем мы и даже американцы того поколения, которое воевало само или следило за ходом боевых действий. А о том, как жадно ловили американцы вести с фронтов, судите по такой приметной детали. 9 декабря 1941 года на первой полосе «Нью-Йорк таймс» в левом нижнем углу напечатано взятое в рамку объявление для читателей: «Пожалуйста, не звоните в «Нью-Йорк таймс» по поводу военных сводок. Они передаются ежечасно по радио на волне 570 метров».

22 июня 1941 года «Нью-Йорк таймс» сообщила о нападении гитлеровской Германии на СССР на всем протяжении от Арктики до Черного моря. С этого дня в информациях и обзорах новостей на первой полосе появляются русские названия. Думаешь сейчас о том, как их воспринимали американцы почти 35 лет назад и как, следя за смертельной битвой на русских просторах, искали на картах никогда не слышанные раньше Novosokolniki, Bryansk, Kharkov, Zhlobin...

Американские журналисты умеют дать выразительную картину события или характеристику явления, подмечая среди деталей сильные и запоминающиеся.

«Еще в самом начале войны, увидев русских в действии, я уже ни на минуту не сомневался в их способности остановить германскую армию... Отношение людей к своему боевому и трудовому долгу было таким же твердым и непоколебимым, как их верность социалистическому пути своего государства. Их единодушная решимость выиграть войну, пожалуй, не имеет прецедентов в истории. Они убрали из своей жизни все, что не крайне необходимо, и отдали в распоряжение войск все, без чего могли обойтись. Эта всеобщая мобилизация людей и материальных средств была проведена быстро и организованно.

Вместо того чтобы искать кого-то, кто воевал бы вместо них, русские терпеливо, упорно — по двадцать четыре часа в сутки, по семь дней в неделю — куют и куют победу. Они воевали бы так же твердо и, пожалуй, так же успешно вообще без всякой помощи со стороны Англии и Америки. И действительно, небольшие поставки военных материалов из Англии и США — капля в море для фронта длиной в тысячи километров. Русские готовы бить Германию хоть в одиночку...

До сих пор Гитлеру удавалось завоевывать страны с пунктуальностью часового механизма. Народ Советского Союза не дрогнул перед захватчиками. Перед его мужеством Гитлер оказался бессилен. Когда он обрушил на русских всю свою ярость, они вернули ему ярость полной мерой, на какую способен разгневанный великий народ».

Строк, подобных этим, принадлежащим Эрскину Колдуэллу, чьи радиокорреспонденции из Москвы в 41-м шли в эфир через «Коламбиа бродкастинг систем», увы, немного в «Нью-Йорк таймс». Если судить по воспроизведенным в альбоме страницам, то решающие битвы второй мировой войны происходили на Тихом океане, в Африке, в Италии, во Франции— везде, кроме тех мест, где сражалась с основными силами фашистов Советская Армия.

Что, например, вычитает сейчас в альбоме молодой американец о битве под Москвой? 8 декабря 1941 года перечень военных корреспонденций, помещенных в номере, завершается тремя строчками: «На Московском направлении, как сообщают советские источники, немецкий фронт прорван в двух местах». Немного, да и маловразумительно, хотя понять редакторов газеты мы можем: вся полоса посвящена нападению Японии на Пирл-Харбор и объявлению ею войны Соединенным Штатам и Англии. Воспроизведена и первая полоса за 9 декабря: ее главная тема — объявление Соединенными Штатами войны Японии. На этой полосе есть заметка из Берлина корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс (США к тому моменту еще не вступили в войну с Германией). Он излагает официальную версию гитлеровского командования относительно краха «блицкрига» под Москвой: «Зима остановила немцев неподалеку от Москвы, и захват советской столицы в этом году не ожидается, как сообщил сегодня военный представитель».

Мы уважаем чувства редакторов, отбиравших эти полосы, — на них события, действительно важные для американской истории.

Но где же уважение к тем, кто нес на своих плечах основную тяжесть войны и где уважение к истине? О Сталинградском сражении, о битве на Курской дуге читатель альбома узнает еще того меньше, а именно — ничего, даже упоминания о них нет.

Двадцать четыре факсимильных оттиска «Нью-Йорк таймс» в период с 22 июня 1941 года до 8 мая 1945 года иллюстрируют типичный прием буржуазной историографии войны — смещение акцентов, непомерное раздувание значения боев с участием западных союзников, умаление роли Советской Армии в разгроме врага, замалчивание сражений на Восточном фронте, решивших исход войны.

Другой излюбленный редакторами «Нью-Йорк таймс» способ подачи «чистой информации» об СССР — спекуляция на «отсутствии» информации. Добавить к сообщению советского источника «ТАСС ничего не сообщает о...» или «газета не пишет о...» — значит, не только навести тень на плетень, но и создать видимость глубокого анализа, вдумчивого наблюдения и тонкого знания советской действительности. Вот хотя бы такое сообщение времен войны: «Армия маршала Жукова полностью заняла Шарлотенбург и Шенеберг и более 100 кварталов в центральной части столицы (Германии). Около 14 тысяч пленных взято в городе в понедельник, как объявили русские...» И дальше: «Весьма любопытно, что в вечерней сводке не упоминается армия маршала Ивана С. Конева, которая действовала с юго-западного сектора города в направлении отчаянно защищающегося Тиргартена».

Никакого отступления от фактов вроде бы нет. И вместе с тем сомнения у читателя посеяны: куда бы это мог подеваться маршал Конев со своей армией? Видно, неспроста о нем умалчивает советская сводка...

Было бы неверным утверждение, что информация о советской действительности в «Нью-Йорк таймс» негативна на все сто процентов. Скажем, газета отдает должное успехам советского народа в освоении космического пространства. Запуск первого в мире искусственного спутника Земли отмечен на первой полосе «Нью-Йорк таймс» за 5 октября 1957 года (включенной в альбом) большим заголовком, иллюстрациями, комментариями, соответствующими огромному значению этого события. (Правда, а как иначе? Задело ж тогда американцев за живое: «Нью-Йорк таймс» и другие газеты еще в июле 1955 года намекали, что США первыми запустят спутник в 57-м или 58-м году.) Отражены в газете и некоторые другие советские космические достижения.

Однако в целом... «Газета — это зеркало», — написал в предисловии к альбому г-н Сульцбергер. Прямо скажем, кривое получается зеркало. Десятилетиями Советский Союз предстает в зеркале «Нью-Йорк таймс» как агрессивное тоталитарное государство, постоянно вынашивающее коварные замыслы, как «колосс на глиняных ногах» с отсталой, неэффективной экономикой.

В этом году Соединенные Штаты Америки отмечают свое 200-летие. К числу основных ценностей буржуазной демократии американского образца ее пропагандисты относят и свободу прессы. Напоминают о первой поправке к конституции, провозглашающей эту свободу, об эпизодах из истории печати, рисующих ее мужество и объективность, вновь и вновь повторяют слова о высоком долге американской прессы — печатать чистую и беспристрастную информацию.

Первая полоса «Нью-Йорк таймс» всей мощью своих крупнокегельных заголовков, высокопрофессиональной версткой и оформлением, всеми доступными журналистскими средствами свидетельствует: беспристрастная информация в буржуазной газете — не более чем красивая легенда.

МЫ СМОТРИМ. НА НАС СМОТРЯТ

Дмитрий УРНОВ

или рассказ о том, как наши конники впервые ездили в Англию и что из этого вышло.

Был такой случай, наши лошади за границей подстилку съели. Не сено и не овес, а солому.

— Позор! — сокрушался наездник Гриша Гришашвили. — Что теперь о нас подумают?

Подумали такое, что нам и в голову не могло прийти.

— Зачем же, — спрашивают англичане, — вы каждый день денники отбиваете?

«Денники отбивать» — стойла убирать, и у себя дома мы это действительно делаем каждый день, но здесь лошади сами все «убрали», только местные наши хозяева поняли исчезновение соломы по-своему, будто солома — это часть нашего тренинга.

— Что ж, вам соломы жалко? — Гриша им так и сказал.

— Соломы сколько хотите, но ведь это лишний труд!

«По-ихнему, и лошадей чистить лишний труд», — ворчал Гриша, потому что чистки у них в самом деле не видно было.

А мы надраивали своих жеребцов как положено, три раза в день и вновь вызвали недоумение. «Что это вы? Бросьте!» — кажется, хотели нам сказать.

Высказаться прямо мешала спортивная этика. Ведь это все секреты. Если вес призовых подков определяется на аптекарских весах, а в борьбе на финише дело иногда решает нос и даже полноса, то каждый жест в священнодействии вокруг спортивного коня имеет значение таинства.

«А вдруг вся суть в подстилке и в неустанной чистке?» — так, возможно, думали они. «Чистить не чистят, а грязи не видать, и до чего резво едут!» — вот что озадачивало нас.

Время придет, и финишный столб покажет, кто был прав в приемах тренинга, или, как это еще называется, в призовой выдержке. Но пока время придет и пока столб что бы то ни было покажет, самим сложа руки тоже сидеть не приходится. Как известно, разгадка тайн соперника входит в подготовку к призу.

Тогда мы были первой официальной советской командой, прибывшей в Англию на конные испытания. Англия — страна скачек, англичане — нация конников, и мы, отправляясь к берегам Альбиона, в эту конноспортивную Мекку, старались быть достойными нашего паломничества. Присматривались ко всему, ибо во всем, даже в парадоксальном небрежении ежедневной чисткой, видели классику конного дела.

И британцы к нам присматривались. В обращении с лошадьми их, казалось бы, учить нечему, однако они всеми силами хотели заглянуть в нашу конюшенную «кухню». И не только в конюшенную, но и прямо так, без кавычек, в кухню к нам. Это ведь тоже принципиальный вопрос — о нашей собственной «выдержке», о рационе.

В борьбе за приз не только тяжесть подков играет свою роль, но и вес наездника. «Как же они сами-то выдерживаются?» — символом этого вопроса осталась в памяти у меня фигура управляющего ипподромом. Пришлось ему немыслимо изогнуться ради того, чтобы и своей британской вежливости не нарушить, и на обед наш посмотреть.

Посмотреть, что́ мы едим, можно было, войдя в наше жилье, дом на колесах, «караван», который так и стоял возле конюшен. Однако нужен предлог, чтобы войти. Ведь первое правило вежливости: не лезь куда не просят! Можно, как бы невзначай, проходя мимо, сказать «Здравствуйте» и — заскочить в гости. Но «здравствуйте» вполне не получалось через окно «каравана». Управляющий приветствовал нас через окно в то время, когда мы орудовали ложками, и между прочим, потянул носом. Но разгадать наше меню ему все-таки не удалось. Вернее, он собственному обонянию не поверил. Тогда он появился в дверях и заявил: «Погода прекрасная, не правда ли?» — слегка приподнявшись на цыпочках. Он увидел наше пиршество, но тут уж, как видно, не поверил своим глазам. Пришлось ему ступить на две ступеньки повыше — со словами: «Прилив еще, кажется, не начинался» (ипподром был расположен в двух шагах от моря, Ирландского моря, и мимо нас по траверзу шли корабли в Ливерпуль). Держась прямо, как королевский гвардеец, и продолжая беседу про прилив, управляющий скосил глаза на нашу мясную лапшу. По лицу его можно было прочесть: «Так, так... Подстилку меняют каждый день, чистят трижды, а сами лапшу лопают. Оригинальный тренинг!»

Если учесть, что величайший английский всадник, которого называли «гением в седле», Фред Арчер, пустил себе пулю в лоб, дойдя из-за голодной выдержки до безумия (он все не мог лишних полфунта сбросить), то наша лапша показалась английскому конноспортивному боссу скрытым подвохом. Он увидел в ней, наверное, некий ход конем.

С тех пор каждый день стал появляться возле нас еще один англичанин, совсем юный, почти мальчик, и — очень вежливый. Здоровался, а потом спрашизал: «Не будете ли вы так добры сказать, как резво собираетесь вы прикидывать лошадей?»

Я открыл было рот, чтобы прямо так и ответить. Ничего в этом пареньке я, откровенно говоря, не заметил, разве за исключением того, что напоминал он меня самого, лет на десять моложе, когда я вот так же переступал с замиранием сердца порог конюшни. Переступая порог, я рассматривал этот волшебный мир еще только со стороны и лишь в будущем мечтал к нему причаститься. «Скажите, пожалуйста» — так и я обращался к великим мастерам, готовившим на приз своих крэков (коней высокого класса). Прекрасно понимая, как мне казалось, чувства юного британского энтузиаста, открыл я рот... Но тут руководитель команды сделал мне кроссинг, или, говоря иначе, проехал перед самым носом, не давая двигаться дальше.

— А ну-ка, возьми вожжи на себя, — сурово сказал он, — ты что, не видишь? Это же шпион!

— Совсем мальчик...

— Тут эксплуатация труда начинается с детских лет. Кто молоко развозит, кто со школьной скамьи в няньки нанимается, а этот за каждым нашим шагом следит.

Опечалился наш руководитель еще больше, чем Гриша, когда лошади подстилку съели. Еще бы! До старта шансы хорошо в полном секрете держать. Когда нас вроде бы в шутку спрашивали: «А кто из ваших жеребцов самый лучший?» — мы тоже в шутку говорили: «Спросите прежде, кто самый капризный» или «Кто самый ленивый», и так, шутками, все кончалось. А уж тут не на шутку решили они выяснить, кто среди нас есть кто!

Опасений руководителя не разделил, однако, самый старший из наших наездников.

— А, шпион, — заметил он таким тоном, будто своего старого знакомого встретил.

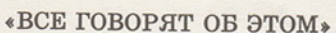
И уже через минуту вручил ему щетку, чтобы тот лошадь чистил. Сам сел на другую лошадь и уехал на резвую проминку.

Руководитель в тревоге спрашивает:

— Где шпион?

на 3 стр. обложки ▶

«ВСЕ ГОВОРЯТ ОБ ЭТОМ»

Под рубрикой — согласитесь, похожей на ровесниковскую — «Все говорят об этом» итальянский журнал «Джорни» рассказывает о проходившем во Флоренции общенациональном фестивале газеты итальянских коммунистов «Унита». По общему признанию, этот фестиваль, к завершению которого трудящиеся собрали в фонд своей газеты 4,5 миллиарда лир, вышел далеко за рамки кампании в поддержку коммунистической печати.

Особый интерес вызвала культурная программа праздника и, в частности, обозрение народного искусства, представленного коллективами разных стран. Огромной популярностью пользовались выступления советских артистов, чему свидетельство — эта обложка итальянского журнала.

«ВОЗМОЖНОСТИ НА СТАРТЕ»

Так озаглавил свою статью известный американский социолог Кеннет Кенистон в журнале «Тудейз эдьюкейшн». Он пишет: «Любовь к детям считается непременной чертой истинно американского характера. Я же осмелюсь сказать, что мы терпеть не можем наших детей. Под «мы» я имею в виду все наше общество в целом. Мы растрезвонили на весь мир о наших великолепнейших «равных возможностях», а на деле каждый шестой ребенок у нас живет на бюджет ниже официального прожиточного минимума. Стоит ли говорить, какие «возможности» предполагает подобный старт?»

А ЧТО РИСУЮТ?

— Позвольте представиться: солист ансамбля добитловской эры «Лохнесские монстры»!

КРАСНЫЙ ФЛАГ У ВЕРСАЛЬСКИХ ВОРОТ

Ровно 50 лет назад в Париже состоялась премьера фильма Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин». «Потрясение было всеобщим», — резюмировал впечатление знаменитый историк кино Жорж Садуль.

И вот осенью минувшего года во Дворце спорта у Версальских ворот, в зале, вмещающем более 3000 зрителей, актер и режиссер Робер Оссейн показал пьесу «Необыкновенный подвиг броненосца «Потемкин». Синтетический спектакль включает в себя кино, театр, хореографию; музыку Чайковского, Шостаковича, Бартока и современных шансонье Ле Форестье и Жана Ферра — его песню «Потемкин» наш журнал печатал в № 11 за 1973 год. «Я не собирался ставить ни «Потемкин»-шоу», ни «Потемкин»-рок», — писал Р. Оссейн. Он определяет свою работу как «народное действо» на строго документальной основе.

Три месяца без перерыва шел спектакль в Париже, а сейчас Робер Оссейн готовится перенести его в Марсель, Лион и другие города Франции.

LA PRODIGIEUSE
AVENTURE
DU CUIRASSE
POTEMKINE

19 SEPTEMBRE

23 NOVEMBRE

UN SPECTACLE DE
ALAIN DECAUX
ROBERT HOSSEIN
GEORGES SORIA
REALISE ET INTERPRETE PAR
ROBERT HOSSEIN
SUR LA SCENE GEANTE DU

ГАРАНТИИ ДЛЯ РЕБЕНКА?

На протяжении нескольких лет постоянной темой итальянской прессы остается похищение людей — и прежде всего детей — с целью выкупа. При этом подчеркивалось, что многие похитители — члены крайне правых фашистских организаций или бандиты, этими организациями нанятые. Волна похищений вызвала панику среди богачей. Их ответной реакцией явилась — заметьте, насколько типична, почти на уровне условного рефлекса, эта реакция для зажиточных людей Запада! — волна страхований. В том числе и страхование в знаменитом лондонском агентстве Ллойда. По сведениям, сообщенным журналисту миланского еженедельника «Эуропео» сотрудником агентства, на конец 1975 года в Лондоне застраховано от похищений не менее 10 тысяч итальянцев. С момента сенсационного похищения молодого наследника миллионов Поля Гетти (об этом «деле» «Ровесник» писал в № 8 за 1974 год) страховой взнос возрос в три раза. Впрочем, материальная страховка, вполне понятно, не может целиком успокоить родителей. Вот почему люди состоятельные прибегают сегодня к страховке физической. Тысячи платных агентов и частных полицейских встречают у дверей лицеев и университетов детей тех, кто с помощью денег пробует защититься от преступности — чудовища, порожденного не менее страшным чудовищем — культом денег.

Ну а что же частные полицейские? Сколь уверены в своих силах они сами? Взгляните на снимок...

ГДЕ ТЫ, ДЖУЛЬЕТТА?

Где сейчас Оливия Хасси? Что делает и у кого снимается Оливия Хасси — Джульетта из фильма Франко Дзефирелли «Ромео и Джульетта»? Такие вопросы часто задают нам читатели. Отвечаем: Оливия Хасси снимается в новом фильме Франко Дзефирелли по не менее каноническому сценарию — «Жизнь Христа». Через восемь лет, прошедших со времени съемок в роли Джульетты, двадцатитрехлетняя Хасси играет сегодня роль девы Марии.

«УЛЫБНИСЬ, И ХОРОШИЙ ДЯДЯ ДАСТ НАМ МОНЕТКУ»

«Николас, детка, убери ножки, кому говорю, ноги убери, в кадр не входят. Мамаша, прикажите ему убрать ноги, а то их придется срезать — вся композиция пропадет!» — четырехлетний Николас отчаянно пытается спрятать ноги за деревянную лошадку, а то, чего доброго, этот нервный дядя с фотоаппаратом их действительно отрежет! Шум, писк, детский рев. В нелегких условиях приходится работать сотрудникам лондонского агентства «Крошки», которое снимает для рекламных изданий детей. Но владелец «Крошек» Родней Джеминдер не жалуется — спрос на рекламу с милыми детскими личиками растет. Родители охотно несут и ведут к нему своих чад — кому же не хочется увидеть свое дитя увековеченным рядом с последней моделью пылесоса или вымазанным в самую стойкую масляную краску? К тому же юные фотомодели приносят родителям немалый доход: так, например, 11-летний Чарли Хоукинс (его вы видите на снимке — в данный момент он рекламирует товары овощной лавки) ежегодно зарабатывает более 1000 фунтов стерлингов. Единственное, что беспокоит Джеминдера, — законы: конкуренты из «взрослых» агентств обвиняют его в эксплуатации детского труда. Но Джеминдер пока отбивается... при помощи английского художника XVIII века Томаса Гейнсборо: «Голубой мальчик» Гейнсборо фигурирует в рекламных сюжетах куда чаще, чем все мои «Крошки», вместе взятые».

МАЛЕНЬКИЕ ДОМАШНИЕ РАДОСТИ. Кошки, собаки, хомячки, попугаи, канарейки... Кто еще? Все зависит от жилищных условий. В японских домах, где, как правило, площадь «задействована» до сантиметра, детям тоже страсть как хочется о ком-нибудь заботиться: завести кузнечика, сверчка или жучка. Сейчас на крышах больших японских универмагов устроены лужайки, по которым с сачками в руках бегают маленькие покупатели — ибо за каждое отловленное насекомое и клетку к нему надо платить.

МУЗЫКА КОЖАНОГО МЯЧА. Футбольный союз Бразилии присудил золотую медаль за заслуги в деле развития футбола композитору Эду Баррейро. Будучи страстным болельщиком, маэстро сочинил «Симфонию судьи» в четырех частях: «Свободный удар», «Грубость», «Одиннадцатиметровый» и «Прибытие полиции». Критика отметила, что композитору удалось хорошо передать средствами музыки всю гамму переживаний судьи во время матча.

ПЛАМЕННАЯ ЛЮБОВЬ. 18-летняя жительница Бристоля призналась на суде, что собственноручно подожгла кафе, где работала официанткой. Причем сделала это с целью увидеть некоего пожарника, в которого была влюблена. Конечно, с пожарником можно было бы повидаться и не столь сложным путем, но ведь каждому известно, что пожарникам запрещено носить свою красивую униформу вне службы... Горячая любовь была оценена в 90 тысяч фунтов стерлингов — такова сумма убытков.

НАЛЕТАЙ: ПОДЕШЕВЕЛО?

«На старт...» — вот он, желанный миг открытия магазина. «Внимание...» — барьер отброшен, теперь, кто проворнее. «Марш!» — покупатели и без этой команды уже бросились на товары. Эта фотозарисовка из западногерманского журнала «Штерн». По какому случаю ажиотаж? Открылся еще один супермаркет нового типа: суперсупермаркет! В таких магазинах цены чуть ниже, чем в других местах. Хозяин — корреспондентам: «Они словно с цепи сорвались!» Но хозяин бурчит не сердито: внакладе он не остался. Ведь товары для своего магазина он приобрел и вовсе по дешевке — с потерпевших аварии судов и грузовиков, из складов, по которым прошелся пожар, от обанкротившихся фирм. К примеру, те, кто разбирал полотенца и материю, не подозревали, что товар потому так обесценился, что пролежал семь лет в трюмах парохода «Нордвинд», застрявшего в Суэцком канале.

Кстати, «небывалая дешевизна» товаров (как утверждает реклама) — миф. Впрочем, трудно сказать, кто его поддерживает больше — та же реклама или (себе в утешение) сам покупатель. И рекламу фирм, и ажиотаж покупателей понять, наверное, помогает одно слово: кризис...

МОЙ ДРУГ, СОПЕРНИК

В спорте как в жизни. Бывают дни великих событий, пения фанфар, возложения лавровых венков на плечи победителей, слезы счастья. А бывают вереницы изматывающих тренировок, корпения над методическими разработками, случаи невезения и срывов. И эти будничные часы раскрывают характер человека не менее ярко, чем часы «звездные». Возможно, именно тогда соперник превращается в соратника, в друга.

Тим Макки приехал из США на турнир пловцов на приз «Комсомольской правды». Выступал Тим неудачно. Поговаривали — не успел, деснать, акклиматизироваться. Однако Тим не оставил от этих слухов камня на камне: «Все дело в том, что вот уже два года, как я бросил тренировки...»

Заметив мое недоумение, пояснил: «Я на последнем курсе, и два года назад передо мной встал вопрос: спорт или учение? Решил — учение. Честно говоря, не верил, что смогу пробиться в олимпийскую команду, я ведь уже ветеран... Но так мечтал поехать в СССР. Хотелось встретиться с друзьями — Владимиром Буре, Николаем Панкиным. Они для меня — идеал спортсменства... Кому приятно признаваться в том, что побеждать — это уже не для него. Но я выбрал поражение ради встречи с друзьями...»

Был и такой случай. Тренировка накануне легкоатлетического матча СССР — США. Пружинистый чернокожий барьерист безуспешно пытается взять старт. У него что-то не ладится, похоже, непривычна дорожка. Парень резко «выстреливает», но, пробежав метров пятнадцать, останавливается, удрученно мотает головой...

И тут вблизи он увидел Валерия Борзова. Ему, новичку, так хотелось поговорить с двукратным олимпийским чемпионом, посоветоваться, как быть. Наконец решился. А еще через мгновение фотокорреспондент Борис Светланов запечатлел их знакомство: Валерий объясняет американцу, как удобнее здесь брать старт. Объясняет без утайки — «как для себя»...

И еще фотографии. Ольга Корбут неудачно выступила на своем коронном снаряде — брусьях. Переживает очень. И вместе с ней переживает как собственный срыв гимнастка из ГДР Карин Янц. Потому что Ольга — ее соперница, ее друг.

Югославский борец впервые на международном ковре — и выиграл свою первую медаль. Наши борцы пришли поздравить его. Стало больше одним соперником. Не стало меньше одним другом.

В. ГЕСКИН, корреспондент газеты «Советский спорт»

со стр. 21▼

— Шпион лошадь чистит.
— Да кто же ему позволил?!
— Всеволод Александрович.

Тут и сам наездник с беговой дорожки вернулся и не кому-нибудь другому — шпиону вожжи передал. «Поезжай, — говорит, — шагом, успокой после резвой работы лошадь». Уехал шпион, а мы тем временем жеребцу, которого он вычистил, стали втирание мускульного флюида делать. Процедура весьма секретная и по составу мази и по способу массажа.

Шпион чистил лошадей. Шпион прогуливал их после резвых прикидок (которых сам не видел). Вернувшись с дорожки, шпион по распоряжению Всеволода Александровича замешивал нашим лошадям кашу из отрубей. Шпион пользовался нашим полным доверием во всем, за исключением тех минут или даже секунд, когда решалась судьба будущего приза. Он чистил — мы резвили, он шаговую проводку после резвой делал — мы занимались массажем, шпион кашу мешал, а мы тем временем подковы взвешивали.

Кончилось тем, что шпион в одно прекрасное утро исчез, — опять появился управляющий. Сказал, что погода портится, а потом, между прочим, добавил: «Есть среди вас люди быва-алые...»

Ах, разве могли они разгадать нас! Секреты они искали в приемах. Они присматривались к нашим правилам тренинга. Они хотели постичь, в чем заключается наша призовая выдержка.

Но я уже сказал, что и мы к ним присматривались. Я, например, наблюдая английский конный мир как классику в своем роде, все время ловил себя на ощущении какой-то детскости. О нет, уж это не потому, что мальчик, который торчал возле нас на конюшне, напоминал мне о моей собственной конюшенной юности! В том, что я сейчас имею в виду, не было между нами ни малейшего сходства. И эта особенная детскость, свойственная не какому-нибудь мальчику, а буквально каждому, кто попадался нам на английском ипподроме, была тем удивительнее, что ведь за каждым, кто здесь держал в руках хлыст или вожжи, чувствовалась вековая традиция.

Вот лошади местные вели себя солидно, не в пример нашим! Наши жеребцы, едва только по приезде расставили их в стойла, тут же принялись рыть пол копытами, грызть зубами стены, дергать за дверные задвижки и рвать попоны. А подстилку зачем они съели? Тоже все из озорства. Один перед другим кусали да кусали по соломинке, вошли во вкус с непривычки (у нас ведь не солома стелится — опилки) и «убрали» денники.

Лошади-англичане смотрели на них с неподдельным изумлением. Что за шум? К чему неблагоразумная трата энергии? Сами они не совершали ни одного лишнего усилия. Дремали, накрытые попонами в стойлах. Стояли, когда запрягали их, безо всякой привязи, а наши — кипели на вожжах, из ноздрей пар валил.

Местные лошади выглядели, я бы сказал, серьезнее даже собственных хозяев.

А кто воспитал, кто выездил этих лошадей такими «взрослыми»? Кто, как не те же самые англичане, чем-то напоминавшие нам детей!

Но чего хочет ребенок от машинки, от заводного, игрушечного автомобильчика? Чтобы ездил взаправду. Что этому ребенку нужно от картонной лошадки? Чтобы у нее, как у всамделишной, были копыта, хвост, уздечка, чтобы можно было взобраться на нее — и нестись! И тот же, как бы детский принцип прямого назначения сказывался в отношении англичан к своим лошадям. Они добивались от них односложного соответствия понятиям «лошадь», «призовая езда», «скачки» или «бега». Всего-навсегда!

Нет, не то были наши рысаки! Они, казалось, предназначались для чего угодно, но только не для того, что требует называть лошадь «рысаком». Пожалуй, для того, чтобы вести вокруг них бесконечные разговоры, конюшенные разговоры, чтобы охать и вздыхать, чтобы осматривать этого рысака по двадцать раз в день, каждый раз при этом покачивая сокрушенно головой; для того, чтобы вообще будто бы не замечать его, не отходя от него вместе с тем ни на шаг, и разве что как-нибудь утром, как бы невзначай, по случайности, взобраться на призовую «качалку» (беговой экипаж), но при этом с наивозможно отсутствующим или кислым выражением лица, какое бывает только при исполнении неприятнейших дел, и проехать разве что круг-другой, и на лошадь не глядя, а если глядя, то куда-то под ноги ей, под копыта, и с таким беспокойством, словно вот-вот у этой лошади оторвутся напрочь ноги или же она вовсе на куски развалится. А потом вернуться на конюшню с видом еще более озабоченным, сокрушенным, и опять охать и вздыхать.

И они еще спрашивают, отчего мы так долго не пишем наших лошадей на призы, отчего не резвим их, а если и резвим, то тихо, отчего не подсушиваем их до призовых форм, а держим в довольно тучном теле, отчего, одним словом, не делаем мы со своими лошадьми того, что с лошадьми вообще принято делать!

В ответ на такие тотальные вопросы мы либо отделывались шутками, отговорками, либо просто с таинственным видом закрывали двери конюшни, а Всеволод Александрович имел еще обыкновение отвечать на все одним неприступным взглядом, который означал недвусмысленно: «У-хо-ди-те!»

Англичане рассеивались.

Они, разумеется, не догадывались, отчего все это. Они не знали, что сидит в наших лошадях орловщина, та самая, от которой красота, нарядность, от которой лебединые шеи, агатовые глаза, глубина груди, богатство почки и от которой же рыхлость, непрактичная кипучесть сердца, неприязнь к методической работе, чудеса резвости вдруг и тут же — вставание в обрез. Им было невдомек, что наших рысаков нельзя до приза особенно сильно резвить, иначе они вовсе не побегут, что нельзя их чересчур «сушить», потому что без лишних трясущихся мясов они опять же не побегут. Что дары натуры, воплощенные в нашем рысаке, нужно не просто получить, а неким особенным образом угадать, и вот тогда, если уж угадал, тогда — «Эх, тройка, птица-тройка, кто тебя выдумал?..»

И ведь это не значит, будто на их вопросы у нас ответов не было. Не было им нужных, им понятных ответов. Нашим местным хозяевам еще можно было посоветовать перечитать «Глазами Запада», роман Джозефа Конрада. Этот английский писатель (тот же Фред Арчер, только не в седле, а за письменным столом) вывел запоминающуюся фигуру русского кучера Демьяныча. Хотел он по-своему объяснить натуру человека, который сидит на облучке, или, вернее, «черт знает на чем», но добивается от коней своих ошеломляющего, непостижимого для постороннего полета.

Но что, в самом деле, тратить лишние усилия, хотя бы слова, если придет время и финишный столб покажет?

О том, насколько убеждает своими «разъяснениями» финиш, свидетельствует не только список побед наших конников за последние годы, но и дополнительные, подчас не официальные, лавры, которыми награждали их на международных соревнованиях. Успехи наших конников-олимпийцев — Рим, Мехико, Мюнхен — оказались в свое время убедительными настолько, что повлияли на мировой стиль выездки. Нигде это не записано, а сказывается в современных приемах «высшей школы верховой езды». После парижской победы по преодолению препятствий в Кубке Наций член нашей армейской команды-победительницы Борис Лилов получил отдельный приз «За обаяние в седле». А ведь Борис Михайлович на прыжке горбился, у него фактически порочная посадка была, но, присуждая ему приз «За обаяние», французы, должно быть, вспомнили своего Мольера, который говорил: «У этого совершенства есть и недостатки, только они еще подчеркивают силу совершенства».

Испытания, в которых мы участвовали, были скромнее. Главное, что впервые и — в Англии. Пусть мы не в Эпсоме, под Лондоном, где разыгрывается легендарное Дерби, пусть мы в провинции, неподалеку от Ливерпуля, на небольшом ипподроме, но что под Лондоном, что под Ливерпулем, а смотрят на нас все теми же глазами Запада.

И — менялся их взгляд. Как море, что било волнами чуть ли не в самые ворота ипподрома, путем едва заметного перехода из серого становилось голубым, так и в глазах наших соперников-хозяев любопытство, несколько высокомерное, сменилось в итоге непосредственным восхищением.

— У нас, англичан, бездна недостатков, но уж хороший финиш мы как-нибудь оценить умеем!

Это сказал управляющий, сказал безо всяких там приливов и отливов, сказал после того, как в жестокой борьбе, в резне на хлыстах, заставил Всеволод Александрович высунуть Ватерпаса нос свой у самого столба впереди Герольда Добрых Вестей. Вид был такой, будто не лошадь мчит наездника, а наездник сам несет коня на вожжах. Герольд, как говорится, всю дорогу сторожил Ватерпаса. И не только он один. Все англичане как бы сообща ехали против Всеволода Александровича. Нарушений не было, все совершалось по правилам, жестким правилам борьбы. Просто наш мастер знал эти правила и следовал им без ошибки.

— Поздравляю, — сказал ему управляющий. — Я давно раскусил вас. Да мне и лошади наши шепнули: «Не проморгайте — это мастера».

Что ж, по английской поговорке, с давних пор распространенной в конном мире, устами лошади глаголет сама истина. Ибо кто же лучше лошади может знать, на что способны оказались ее соперники?

Фото А. Шторха, Ю. Моргулиса, Б. Светланова

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 17/I 1976 г. Подп. к печ. 18/II 1976 г. А04824. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2424.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Польская певица Анета Ластик хорошо знакома советским любителям эстрады: в 1975 году она совершила двухмесячное турне по СССР с ансамблем «Птицы». На Сочинском фестивале Анета получила третью премию, исполнив песню «Не убивайте!».

НЕ УБИВАЙТЕ!

Музыка Е. Тышковского
Стихи К. Пац-Гаевской
Русский текст В. Лугового

Gdy by wys-chły wszystkie źródła, Zwiędły-by og-ro-dy,
Wyor-ze nie-bo śle-pa studnia bez kro-pel-ki wo-dy
Zaś pta-ka-mi by onie-miał, wiatr jak la-wa stę-żał,
za-cią-ży-ła-by nam zie-mia jak śmier-tel-ny ciężar. Припев: Nie
za-bi-jaj-cie wo-dy, nie za-bi-jaj-cie nie-ba, niech
pta-ki znów przy-le-cą by sta-rych szukać gniazd. Niech
płonie dob-ry ogi-eń, niech pa-da deszcz gdy trzeba, y
wa-ra mó-wić dzieciom że mógł-by run-ąć świat.

2. Gdy by wszystka milosc wyschla,
Usmiech zgasl na ustach.
Spopielila by ogniska
Smierci biala chusta.
Jeszcze Ziemia nie zginela
Póki my zyjemy!
Dobra Ziemia, ludzka Ziemia —
Nie krzywdzcie nam Ziemi!
Припев.

1. Без реки не станет леса,
Без лесов — прохлады.
Облетят дубов столетних
Черные громады.
Птицы в мертвые чащобы
Прилетят едва ли,
Если мы допустим, чтобы
Реки умирали.

Припев:
Во имя жизни, люди,
Не убивайте реки.
Пусть рощи зеленеют
И птицы гнезда вьют.
Да будет мирным небо
Отныне и вовеки,
И пусть о счастье детям
Все матери поют.

2. Без любви мертва планета,
А любовь прекрасна.
Если мы забудем это —
Мы живем напрасно.
«В добрый час!» — Земле мы скажем,
Отдадим ей сердце,
Чтоб осталось детям нашим
Доброе наследство.
Припев.

Индекс 70781 **Цена 20 коп.**